

МАРИ ЛАВЬЕР

НЕ ЗАСЫПАЙ

Мари Лавьер

Не засыпай

<https://litres.ru/74659568>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Эрика Кросс, мне семнадцать, и прямо перед выпускным классом родители решили отправить меня в закрытую школу-интернат в пяти часах от дома. Вместо последнего года рядом с лучшей подругой меня ждут незнакомые одноклассники, строгие правила и старое здание посреди леса.

А ещё — Алекс.

Красивый и загадочный парень, встреча с которым становится началом событий, навсегда меняющих мою жизнь.

Вскоре я оказываюсь втянута в скрытый от людей мир, где древние боги существуют на самом деле, магия способна убивать, а мифы — вовсе не выдумка. И пока я пытаюсь разобраться в новой реальности и собственных чувствах к Алексу, появляется куда более страшная загадка.

Когда Бог сна использует свою силу, засыпают все.

Кроме меня.

Почему именно я — девушка, которая всю жизнь страдала от бессонницы, — способна противостоять божественной магии?

Мари Лавьер

Не засыпай

Действие происходит в наше время, на нашей планете, в вымышленной стране.

Глава 1

Имя: Эрика

Фамилия: Кросс

Возраст: 17

Рост: 169 см

Цвет волос: тёмно-каштановый

Цвет глаз: светло-карий

Дата рождения: 02.11.2008

Род деятельности: ученица старшей школы

Я проснулась намного раньше, чем планировала. Утро наступило предательски рано, а просыпаться в каникулы в 7 утра должны запретить законом, особенно если нет ни малейшего повода покидать царство Морфея. Вот только снизу доносился писклявый крик мачехи, с настойчивостью, граничащей с безумием, выкрикивавшей моё имя.

— Ээ-рии-каа! Я кому говорю спуститься?! — пискляво надрывалась мачеха. Я не спешила. Её голос, словно тонкая игла, пронзал тишину, оставляя после себя неприятный отзвук. Понимая, что её призыв явно не сулит поездку в парк развлечений, я не торопилась.

За окном царила серая хмарь: небо плакало дождём. Я поёжилась, в кровати под одеялом было очень тепло, и я знала, что стоит мне сейчас встать, как всё тело окутает сырой холодный воздух, и пока я добегу до халата, уже никакой горячей чай в мире не вернёт меня к жизни.

— Эрика, ты оглохла?! — визг мачехи стал таким пронзительным, что мне казалось, будто она заорала мне прямо в ухо. Очередная иголочка кольнула в груди, и пришлось скинуть тёплое одеяло.

Каждая лестничная ступенька издавала короткий скрипящий звук, когда я топала по ним босыми ногами. Дом у нас уже был старый, так что скрипучие ступеньки — это даже нормально. Но я любила этот дом. В нём прошло моё детство. В моей небольшой комнатке на втором этаже мама пела мне колыбельные. На первом этаже нашей большой гостиной, совмещённой с кухней, мама пыталась накормить меня кашей, пока папа колдовал над утренним кофе. И в этой же гостиной мы праздновали Новый год, дни рождения, сидя за большим деревянным столом по центру комнаты. Дом хоть и был таким родным, но он был мрачный. Весь интерьер был в строгих тёмных тонах, будто светлые и яркие краски были запрещены. Или, может, дом так помрачнел в моих глазах со временем. Запахивая на ходу халат, я уже перебирала в мыслях, что же опять пришло в голову этой скандальной женщине. Только нотка любопытства стала пробираться ко мне в душу, как моя мачеха поспешила его удовлетворить:

— Эрика, от тебя никакой пользы, так ты ещё и еле ноги волоочишь, когда тебя зовут! — строгим громким голосом объявила мне Клариса вместо доброго утра. Я остановилась в конце лестницы, которая упиралась в прихожую. Дальше спускаться не хотелось.

Имя: Клариса

Фамилия: Кросс

Возраст: 36

Рост: 165 см

Цвет волос: блонд

Цвет глаз: светло-голубой

Дата рождения: 15.03.1990

Род деятельности: менеджер по маркетингу

Я поджала губы. Отвечать на её истерику мне было нечем, да и не хотелось. Не в моих интересах, чтобы она взорвалась ещё на полчаса от одной моей реплики.

— Эрика, за тобой ужин! И сходи забрать моё платье из химчистки, квитанция в прихожей у зеркала. И сколько можно спать, отец уже уехал на работу, а ты всё спишь! Даже Мими уже встала, а ты лентяйничать собралась до середины дня!

Имя: Эмилия

Фамилия: Кросс

Возраст: 5

Рост: 107 см

Цвет волос: блонд

Цвет глаз: светло-голубой

Дата рождения: 28.05.2021

Род деятельности: воспитанница детского сада.

Мими моя сестра. По отцу. Прямо сейчас она стоит в прихожей возле входной двери с сонными глазами, и мачеха туго завязывает ей платок на шее. Она, скорее всего, тоже не ожидала такого раннего подъёма, но такое можно было предвидеть. Каждый конец квартала все взрослые стоят на ушах. Мой отец уезжает на работу ещё до семи утра, чтобы вернуться домой не за полночь. Мачеха уезжает чуть позже, но это всё равно считается рано. Они оба много работают. В этом характерами они очень сошлись, такие люди помешаны на отчётах, бумажках, документах и прочей офисной атрибутике, с которой они возятся каждый день. Стараются, чтобы продвинуться по карьерной лестнице. Я всегда задавалась вопросом, а когда же жить, если ты всё время работаешь? Сидишь весь день в офисе за компьютером, работаешь с бумагами, а потом что? Приезжаешь вечером домой, и у тебя нет сил ни на что, ты ешь и садишься на диван перед телевизором. А в выходные ты едешь в большой супермаркет позволить себе потратить деньги, которые заработал, на какую-то вредную пищу, а всё остальное время отдыхаешь, постоянно повторяя «Скоро на работу, я должен отдохнуть». По моему мнению, они не живут. По их мнению, работа — это и есть жизнь. Но я ещё ни разу не услышала ни от отца, ни от Кларисы фразы «Я доволен своей работой, всё сейчас идёт

хорошо». Ощущение, что на работе никогда ничего не идёт хорошо. Только проблемы, которые не успеваешь решать. И вот все и уезжают так рано на работу решать проблемы, которые скопились к концу месяца. Уже заканчивается август.

Отец познакомился с Кларисой как раз на работе. Во многих крупных организациях запрещены служебные романы, но, видимо, все понимают, что, если ты живёшь на работе, другого шанса построить отношения у тебя нет. Ну, вернее, есть, но на это нужно тратить свободное время. Которого уже нет. Такие трудоголики не могут позволить себе выйти после работы в театр или спортзал, где можно социализироваться. Ведь завтра рано вставать на работу.

Мне было десять, когда Клариса стала моей законной мачехой. Она меня не очень любила, хотя перед отцом очень хорошо притворялась, что у нас хорошие отношения. Может, она ревновала к вниманию отца.

Когда появилась Мими, спустя два года брака, такая ответственная карьеристка, как Клариса, долго просидеть в декрете не смогла, поэтому через пару месяцев вышла на работу. Повышение из декрета не получишь. Но после появления на свет малышки Мими внимание отца переключилось на нового ребёнка, поэтому Клариса стала ревновать чуть меньше. Но у меня всегда было ощущение, что она считает меня лишней.

В работе с утра до ночи есть плюсы: можно нанять няню, чтобы та сидела с детьми, пока ты много и упорно работа-

ешь, чтобы оплатить эту няню. Я всегда думала, почему бы не нанять тогда домработницу, чтобы готовила еду, или заказывать клининг два раза в неделю, заказывать готовую еду на дом, раз у всех так нет времени. Мими уже ходит в садик, и в няне мы больше не нуждаемся. Но почему-то люди, которые очень много работают, очень неохотно тратят деньги. Поэтому либо мы едим полуфабрикаты, либо что-то нормальное приходится готовить мне, как сегодня.

Мими обычно очень плаксивая. Я не помню ни дня, чтобы она не заплакала. А, возможно, и часа. В такие моменты я стараюсь уходить подальше от разгара событий, чтобы Кларисе не пришлось в голову обвинить меня во всех проблемах в этом мире. Сейчас Мими стояла настолько сонная, что вряд ли у неё хватит сил закатывать истерику, но Клариса была явно не в духе, и я решила придерживаться самой лучшей тактики — не возражать.

Клариса нервными резкими движениями надела всю одежду на Мими и так же резко и нервно схватила её за руку и потащила к входной двери. Сама она была одета, как всегда, по высшему классу, настоящая бизнес-леди. Узкая юбка чуть ниже колена тёмно-синего цвета, белая блузка, идеально подходящая по размеру, приталенный пиджак в цвет юбки. На ногах обязательно каблуки, чтобы походка была женственнее. Волосы до плеч идеально выпрямлены утюжком для волос. Клариса была воплощением офисного стиля. От входной двери донёсся прохладный утренний воздух. Я по-

ёжилась: стоять босиком было уже холодно.

— Всё, мы уехали, ничего не забудь! — на автомате выпалила Клариса и, захлопнув дверь, потащила Мими к машине. Иногда мне кажется, что она так витает в мыслях о работе, что отдаёт приказы на автомате, даже не думая, что говорит.

Осознав, что опасность миновала и я дома одна, можно было расслабиться. Всё же последние дни каникул. Лето прошло очень быстро. Хотя вряд ли какой-нибудь школьник скажет, что лето длилось бесконечно, и он успел нагуляться. Я вот совсем не успела. Клариса всегда находила, какую бы работу на меня скинуть. Хотя, когда я учусь, заданий от ма-чехи не меньше, но ещё надо ходить в школу. Школа... Уже послезавтра первое сентября, и я смогу увидеться с Андреа, моей лучшей подругой. Мы часами болтаем после уроков, не спеша домой, и эти моменты — лучшие во всём процессе хождения в школу. Я её не видела всё лето, она улетела во Францию к бабушке. Ах, хотела бы и я провести лето за столько миль от этого дома.

Доехать до химчистки — та ещё задача. Мне пришлось идти пешком на остановку, а потом 30 минут ехать на автобусе. На машине этот путь бы занял не больше 15 минут. Но у Кларисы этого времени нет. Когда такой плотный график, лишние 15 минут — слишком большая роскошь. На улице весь день было пасмурно, моросил мелкий дождь. Это такой вид дождя, когда ещё рано открывать зонтик, но если долго

идти, то волосы начинают намокать. Я понимаю, что уже 30 августа, и пик жары прошёл, но у лета есть ещё законных два дня.

Уже вечером я стояла на кухне, нарезаая помидоры для салата. Зимой таких вкусных помидоров не будет. Для ужина я выбрала самое простое, что можно было придумать: посыпала курицу приправами и отправила в духовку. Пусть она готовится там сама, без моего участия. До прихода родителей оставалось совсем немного. Я наконец-то отогрелась: работала духовка, и на кухне стало даже жарко. В воздухе витал аромат запекающейся курочки, от которого пробуждался аппетит. Я отправила в рот кусочек помидора, а остальные переложила в большую салатницу, время от времени таская ещё по одному.

Телефон пиликнул. «Я приземлилась» — гласило короткое сообщение от Андреа. Ура, как хорошо, что уже скоро мы наконец-то увидимся. У бабушки Андреа почти не было интернета, мне столько надо ей рассказать! «Молодец» — отправила я в ответ, добавив смайлик-сердечко. Потом спрошу, как она добралась, сейчас у неё и так куча дел в аэропорту. Настроение поднялось. Теперь снова можно будет болтать на переменах обо всём. Андреа опять будет рассказывать про новые аниме, которые она успела посмотреть. Она много раз показывала мне первые серии любимых тайтлов у себя дома, но меня никогда не затягивало. Я больше

по книгам. Но приятно слушать человека, который настолько сильно чем-то увлечён. Конечно, из-за выпускных экзаменов в конце года у меня рискует опять начаться бессонница, но, с другой стороны, осталось потерпеть только год, а в колледже будет лучше. Наверное. Мне просто приятно думать, что хуже, чем в школе, уже не будет. Мы с Андреа уже успели выбрать колледж. Я была очень рада, когда узнала, что она тоже рассматривает Леймский исторический колледж. Самое главное, что он находится далеко отсюда. Я давно хотела пойти на исторический факультет, читала тонны исторической литературы целый год и мечтала стать историком. Приятно мечтать о будущем: это отвлекает от мыслей, что сейчас вернутся отец с Кларисой.

Дверь открылась, и вместе со скрипом в дом сразу ворвались громкие голоса. Мими что-то как всегда возбуждённо кричала, а папа с Кларисой что-то обсуждали. Наверное, работу, что же ещё. Шум вырвал меня из мечтаний, я резко спустилась с небес на землю и поспешила выйти в прихожую.

— Привет, — буркнула я, вытирая руки о фартук. Настроение поубавилось. Сейчас пойдём ужинать, и мне не может так повезти, чтобы за вечер по мне не проехали.

Папа и Клариса резко перестали говорить и растерянно посмотрели на меня, как будто я застукала их за неприличным разговором.

— Эрика, вкусно пахнет! Что ты сегодня готовишь? — улыбаясь, бодро спросил папа.

Имя: Оскар

Фамилия: Кросс

Возраст: 39

Рост: 184 см

Цвет волос: тёмно-каштановый

Цвет глаз: карий

Дата рождения: 30.10.1986

Род деятельности: директор по рискам

— Я запекаю курицу, — смутившись, ответила я. На моём лице появилась нервная ухмылка. Он что, в хорошем настроении после работы? Сегодня только вторник, а не пятница, с чего бы это? Но этот вторник явно отличается от предыдущих.

— Эрика, какая молодец! — приветливо оживилась Клариса. Молодец? Такое я слышу редко. Им что, премию дали? Да, этот вторник явно отличается от всех. Приятный вторник.

— Дорогой, доставай ту бутылку вина, что подарили нам Питерсоны, — проворковала Клариса довольным голосом, стаскивая с Мими куртку. Папа прошёл из прихожей прямо на кухню, повесил пиджак на стул и неторопливо стал искать в серванте заявленную Кларисой бутылку вина. На душе стало легче, ну точно им дали премию. Вино, да во вторник? Такое было только когда Кларису повысили. Неужели сегодня будет приятный ужин? На радостях они не будут опять критиковать меня. Я расслабилась. Прохладный сырой воздух

из открытой входной двери добрался до меня. После душевной кухни он показался особенно холодным. Я поспешила закрыть дверь.

Мими занималась своим любимым делом: расковыривала куриную грудку вилкой и размазывала всю еду по тарелке. Отец сидел во главе стола и молча ел, положив руки на стол и уставившись в тарелку. Он был крупным мужчиной, широкоплечим, строгим начальником в таком же офисном наряде, что и все. Но если на работе он был начальником, то дома командовал совсем не он.

Пустоту за столом активно занимала оживлённая речь Кларисы.

— И когда Джоанна показала мне макет, я еле сдержалась, чтобы не наорать на неё! Ну я же сто раз сказала, что техническое задание исправили, чем она вообще слушала?! Ещё и возмущается, что я не так объяснила, когда сама виновата!.. — тараторила Клариса, постукивая ярко-красным маникюром по бокалу. Глазки у неё уже заблестели, вино отлично выполнило свою функцию. А вот отец совсем не выпил. Он выглядел угрюмым и было даже непонятно, слушает ли он. Конечно, рассказы на такие темы слушать не очень интересно, но вроде взрослым это нравится. Клариса сидела рядом с отцом и, подперев рукой голову, всем своим телом тянулась к нему, развернувшись полубоком. Отец же даже не поднимал головы. Было видно, что его день на работе прошёл

не так красочно, как у жены, но нормы приличия требовали традиционного семейного ужина вместо того, чтобы просто пойти к себе отдыхать. Я спокойно доедала салат, меня не трогают, так что уже хорошо. Интересно, Клариса всё-таки расскажет, что мы отмечаем такой дорогой бутылкой вина?

— Дорогой, ты слушаешь? — Клариса вырвала отца из своих раздумий. Он оживлённо поднял голову и растерянно посмотрел на неё.

— Конечно, — слабо улыбнулся он, — давай подолью ещё вина. Отец схватил бутылку. Клариса засияла, что за ней ухаживают, не всегда же ей быть строгой дамой. Хотя, по моему мнению, ей бы уже остановиться с выпивкой, уж больно она счастливая.

— Эрика, давай я тебе немного налью, попробуешь, — отец развернулся ко мне и продемонстрировал бутылку вина, как будто я её не замечала, раз не пила. Вино? Мне? Я никогда раньше не пила алкоголь. Занимая в семье статус ребёнка, пусть уже и большого, мне никогда не полагалось вино за столом. Я замерла в удивлении, всё ещё сомневаясь, что мне точно можно выпить.

— Давай, принеси себе бокал, выпьем все вместе, — промурлыкала мачеха.

— И мне тоже бокал! — подпрыгнув на стуле, возгласила Мими, оторвавшись от тарелки.

— Солнышко, тебе ещё рано взрослые напитки, — ласково ответила Клариса вместо поучительного тона. Мими

недовольно скривилась, но, похоже, она изначально не надеялась получить разрешение.

Улыбаясь, я пошла доставать бокал из серванта. Похоже, этот вечер радостный не только для Кларисы. Отец наконец-то заметил, что я повзрослела! Я буду пить вино вместе со всеми. Как взрослая. Интересно, какой от него эффект? Я машинально выпрямила спину, как будто гордилась собой, что мой статус повысился.

Я вернулась за стол с большим круглым бокалом для красного вина из тонкого стекла, пододвинула его к отцу, и он стал наливать запретный красный напиток. В груди аж всё замерло. Я перестала дышать, пока красная жидкость лилась из бутылки. Момент, когда я стала как будто бы на статус выше. Довольная, я откинулась на стуле с бокалом, крепко зажатым за ножку в кулак, и посмотрела на отца с немым вопросом: «Правда можно?»

— Ну что, поднимем бокалы! — довольная Клариса подняла бокал в воздух, призывая всех чокнуться. — За окончание лета!

Я нерешительно и предельно аккуратно, как будто бокал может разбиться, вытянула руку и три бокала издали короткий звон.

— И я тоже! — Мими резко схватила свой стакан с соком и потянулась ко всем. Клариса засмеялась, и мы все повторили этот ритуал уже вчетвером. Атмосфера стала дружелюбной. Я поднесла бокал ко рту, предвкушая напиток, который

попробую впервые. В нос ударил терпкий запах алкоголя, я аккуратно отпила, и по горлу разлилось приятное тепло. Я ожидала, что вино будет сладкое, как газировка, но оно оказалось горьким, как чай без сахара. Но я не дала разочарованию завладеть собой, потому что вечер только стал приятным.

— Дорогой, ну что, пойдём покажем? — заговорщически улыбнулась Клариса, вставая из-за стола.

— Сейчас. — Отец вытер губы салфеткой и тоже встал. — Девочки, у нас в машине для вас подарки.

— Подарок! — воскликнула Мими и сразу вскочила, побежав в прихожую. Я приятно удивилась и, признаться, была очень заинтригована. Что это может быть, да ещё и без повода? Мы все пошли за Мими. Я потянулась за висящей курткой. Мими стояла возле двери, как кошка, которая ждёт, чтобы её уже выпустили на улицу. Но сама она выбежать из дома не решалась, она уже знала, что без куртки нельзя. Клариса стала неаккуратно протискивать руки Мими в рукава её розовой курточки. Отец взял ключи от машины и вышел во двор. Я вышла за ним. Меня сразу обдало прохладой, на улице моросил мелкий дождик, и я запахла куртку. На улице уже было темно, большой двор с немного заросшим газоном освещал свет из окон. Машина стояла возле гаража на своём привычном месте. Отец снял её с сигнализации, та моргнула фарами, и он пошёл доставать из багажника заветные подарки. Мими пулей подбежала к нему, как только Клари-

са закончила её одевать, и начала подпрыгивать, скандируя: «Подарок! Подарок!». Мне тоже уже очень хотелось увидеть, что мне купили, но такую бурную реакцию, как у Мими, я не выказывала.

Папа достал из машины небольшой детский рюкзачок. Он был очень цветастым, с нарисованными феями из популярного детского мультика, который смотрит Мими по выходным. Мими схватила рюкзак и закричала ещё больше, чем до этого: «Спасибо, папочка!» В полном восторге она сразу начала показывать маме, какой крутой подарок ей только что подарили.

Вслед за рюкзаком папа двумя руками вытащил большой пластиковый чемодан ярко-жёлтого цвета. Такие чемоданы только недавно вошли в моду.

— Эрика, это тебе, — как-то без особой радости папа поставил чемодан на землю. Чемодан? Так вот почему Клариса была так рада весь вечер. Мы собрались в отпуск! Но сейчас же уже начнётся учёба... Неужели они освободят меня от первой недели учёбы, и мы поедem в путешествие? На море? Я уже сто лет не была на море.

— Эрика, тебе нравится? — подскочила Клариса и пододвинула ко мне чемодан. — Это из магазина Клармса Виньетте, оригинал! Я слышала, что сумки от Клармса Виньетте очень дорогие. Меня же не поразило, какой фирмы чемодан. Меня больше интересовало то, зачем он. Клариса начала описывать преимущества этого чемодана, ведь он явно

недешёво им обошёлся.

— И куда мы поедем? — заулыбалась я. Не просто так давят чемоданы, это очевидно, что скоро мы куда-то поедем, вопрос только куда. Зная Кларису, она запросто могла потребовать провести отпуск только в Европе.

— Как куда? — удивилась Клариса. — Оскар, ты ещё не сказал? — Клариса удивлённо и в то же время осуждающе смотрела на отца. Да, отец мне ничего не сказал про поездку. А к такому вообще-то готовиться надо. Отец виновато смотрел под ноги.

— Эрика, мы с Кларисой подали заявление о переводе в школу имени Барри Бахмана и тебя приняли. Мы завтра с тобой вместе поедem туда.

Что?.. Внутри всё оборвалось. Какое заявление о переводе? Другая школа? Да зачем мне переводиться в другую школу, когда мне остался всего лишь год учёбы?! Кто вообще меняет школу так поздно? Я ничего не поняла. Вдруг сильная волна ужаса, которая уже разлилась в груди, отступила и мысли прояснились. Ну какой перевод в другую школу, это же просто шутка! К чему тогда чемодан? Не учебники же в нём носить в эту новую школу.

— Пап, я же пойду уже послезавтра в свою школу, ты о чем вообще? — заулыбалась я. Розыгрыш удался, я поверила.

— Мы не хотели тебе говорить раньше времени, чтобы не волновать тебя, вдруг бы ещё ничего не получилось. Но

неделю назад нам пришёл ответ, что тебя приняли. После-завтра первый учебный день в новой школе, — всё ещё виновато сказал отец. Так это не розыгрыш. Они перевели меня за моей спиной в другую школу! Но зачем?

— Какой смысл переводить меня только на один год? Я десять лет училась в одной школе, что в ней вдруг стало не так? — произнесла я тихим голосом. Волна ужаса обратно растекалась по всему телу. Верить в факты не хотелось, уж слишком ситуация была абсурдной.

— Эрика, мы выбрали для тебя очень престижную частную школу! — бодро вмешалась Клариса, взяв отца под руку. — Мы очень долго выбирали, где тебя лучше подготовят к экзаменам. Ты же не хочешь выпускной класс провести в посредственной школе?

Ну да, значит, все десять лет я могла провести в посредственной школе, а ещё один год почему-то не могу. Это ерунда, у нас очень хорошая школа. Причина точно не в этом. В деньгах? Обучение в новой школе просто дешевле?

— Да погодите, какая новая школа? — возмутилась я. — Где она вообще находится? Почему я не могу пойти в свою старую школу? — Я в упор не помнила, чтобы у нас в городе была школа с таким названием. У нас и так маленький городок, я знаю все школы, которые в нём есть.

— Она находится в 5 часах к югу. Твой отец взял один день за свой счёт, чтобы завтра тебя отвезти, — факт, что отец взял день за свой счёт и, следовательно, потеряет в день-

гах, только что был выставлен Кларисой как подвиг, который совершили только ради меня. В пяти часах к югу? Как тогда я буду добираться до школы каждый день? Но это уже не особо похоже на розыгрыш. И тут в голове сложилась картинка: *меня отдают в интернат*. Никакой это не чемодан, с которым мы поедem в отпуск. Этот чемодан, такой дорогой, просто способ загладить свою вину передо мной за то, что от меня избавились. Причём за моей спиной. Я всё лето думала, что первого сентября я пойду с Андреа в свою родную школу, в которой я училась с первого класса. А что теперь? *Я просто стала им не нужна*. Отец женился ещё раз после смерти матери, у них появился новый ребёнок. Ну чем не полноценная семья? Счастливые отец, мать и маленькая дочка. Вот только я в эту картину мира не укладывалась. Вечное напоминание о прошлой жизни отца, вечное напоминание о его прошлом браке, вечное напоминание, что Клариса с Мими не всегда на первом месте. Клариса — вот кто инициатор.

— Пап, ты что, согласился отправить меня в интернат? — еле выдавила я из себя эти слова. Я просто спросила, но ощущение, будто я сейчас сама озвучила свой приговор. Каждый мускул на моём лице задеревенел.

— Милая, ну почему интернат?! Это элитная частная школа с проживанием. Она находится на природе, там такой воздух! Знаешь, сколько вариантов мы перебрали? Мы нашли для тебя шикарное место! — Клариса рекламировала мне этот интернат... ой, простите, элитную школу с прожи-

ванием, как продавец расхваливает товар в магазине техники, чтобы получить процент с продажи. Я посмотрела на отца в надежде найти хоть какую-то поддержку. Я была уверена, что он не хочет меня туда отдавать, а просто поддался настойчивости Кларисы, которая всё за всех решила.

— Эрика, там правда хорошая природа. Вспомни, как ты в детстве часто кашляла. Это всё из-за загазованности города. Я бы вот всё отдал, чтобы проводить время вдали от выхлопных газов, а ты там сможешь восстановить лёгкие. И на новогодние каникулы я тебя заберу, сможешь увидаться с Андреа, отметим Новый год, — начал отец свою речь, будто заготовил её заранее и читал по бумажке. Он меня не поддерживает. Восстановить лёгкие? Если бы лёгкие восстанавливались просто отдыхом на природе, люди не стояли бы такие очереди к врачам. Причина, высосанная из пальца. Хорошая школа, природа... Это не настоящие причины, по которым меня отсылают.

— Пап, ну какая школа с проживанием? — Мой голос уже дрожал. В горле стоял ком, который мешал говорить. — Зачем всё это? Почему я не могу пойти с Андреа в свою школу? Остался же всего лишь год!

— Эрика, ты должна быть благодарна, что мы оплатили для тебя частную школу. Многие дети и мечтать не могут о таком образовании! — голос Кларисы сменился с доброго тона на раздражённый. Конечно, следовало ожидать, что это всё выставится так, будто я неблагодарная.

— Завтра утром я поеду на работу, отвезу бумаги, вернусь около десяти, и мы сразу поедem. Мне ещё ехать обратно. Успеешь собрать вещи? — вклинился отец. А у меня что, есть выбор, успеть собирать вещи или нет? Если я не успею их собрать, мы никуда не поедem, или я поеду налегке?

— Пап, но я же... — начала мямлить я, пытаюсь подобрать слова, чтобы исправить ситуацию, растерянno смотря на чемодан.

— Всё, Эрика, мы устали, пойдём в дом. Нам после работы ещё надо отдохнуть. Иди начинай собирать вещи, — отрезала Клариса и, взяв растерянную от такого диалога Мими за руку, двинулась к двери. Я обречённо посмотрела на отца с немым вопросом «Зачем?», но он даже не взглянул мне в глаза. Ещё секунду я не могла пошевелиться от ошеломления, в глазах начали проступать слёзы. Когда я поняла, что вот-вот расплачусь, я рванула с места и сразу побежала в свою комнату, оставив новенький чемодан от Клармса Виньетте и отца во дворе.

Я пробежала вверх по лестнице мимо Кларисы и Мими, услышав детский голос: «Мама, Эрика уезжает?», но захлопнув за собой дверь своей комнаты, я перестала слышать всё. Ноги уже не держали, я опустилась прямо на пол и пыталась подавить слёзы. В голове было столько мыслей, что я не могла сосредоточиться на чем-то одном. Ком в горле больно давил, во рту пересохло. Я сидела и не могла пошевелиться. В висках стучало. Я поспешила вынуть телефон из кармана

и сразу набрала Андреа. А что я ей скажу? Я не знаю. Надо просто дозвониться и услышать её голос.

«Аппарат абонента выключен...» — незамедлительно услышала я из динамика. Андреа уже могла уйти спать после перелёта. Как невовремя... Я не могла ни встать, ни продолжать сидеть на полу. Я не могла привести мысли в порядок.

Полчаса я уговаривала себя встать. Пуститься в размышления о том, что меня ждёт в новом месте, конечно, хорошо, если размышлять о позитивных вещах. Я набрала в поисковике школу-интернат имени Барри Бахмана. Несмотря на точный запрос, первыми тремя ссылками в гугле красовались другие интернаты, самые престижные и распиаренные в стране. Я клацнула пальцем на нужную ссылку и принялась изучать сайт. Он был ужасно плохо сделан, как будто это был не сайт престижной школы с проживанием, а курсовая программиста-первокурсника, который вообще не слышал слова «дизайн». Пролистав сайт до конца, я не нашла вообще никакой полезной информации, чтобы составить хоть какое-то представление о том, что меня ждёт. Тогда я принялась строчить долгое сообщение Андреа, где пыталась всё объяснить. Утром она проснётся, прочитает и сразу мне перезвонит. Убивало то, что мы с ней так и не увидимся. Если бы у нас был хотя бы ещё день, мы бы смогли встретиться и попрощаться. Но времени никогда нет, когда оно очень нужно. Добавив к своему сообщению плачущие смайлики и с досадой заблокировав телефон, я решила переместиться на

кровать. В кровати точно будет удобнее травить себя горькими размышлениями. Я так привыкла к своей комнате, что уже не могла представить, как я привыкну к новой обстановке. В моей комнате всё годами подстраивалось под меня. Кровать с матрасом и подушкой, к которым я привыкла. Мой письменный стол обклеен коллекцией наклеек, которые я собирала с детства. Шкаф, в котором помещалась вся одежда. Огромный книжный стеллаж высился до потолка, и я стала разглядывать каждую книгу. Я целыми днями могла зачитываться любовными романами, детективами, триллерами, драмами, комедиями, да что я только не читала. Сколько книг поместится в чемодан?

Завтра я еду в интернат.

Глава 2

На часах уже было 2:39. Я лежала в своей мягкой постели и до сих пор не спала. Я всегда не сплю, когда что-то случается. Стоит чему-то вывести меня из душевного равновесия, как бессонница не заставляет себя ждать. Я не могу уснуть вплоть до четырёх утра, зато потом засыпаю так крепко, что утром не могу проснуться. Такой режим сна вообще не подходит для учёбы. И вот опять. Опять я не могу уснуть. Уже который час я лежала и уговаривала себя заснуть, а обо всех проблемах подумать завтра. Но это так не работает. Мысли об интернате сменяли мысли про Андреа, а их сменяли досадные мысли, что бессонница уже давно не возвращалась. Уснуть не выходило.

Я перевернулась на другой бок и снова вытерла мокрые щёки. И в этот момент меня накрыло запоздалой злостью. Хватит страдать! Если они так хотят от меня избавиться, если даже родной отец не вставил ни слова в мою защиту перед женой, значит, и они мне больше не нужны. Пусть живут своей идеальной семейной жизнью. Без меня.

Я уеду. Через год поступлю в колледж, и никто больше не укажет мне, что делать. В конце концов, в интернате есть свои плюсы: никаких нотаций мачехи, никаких поручений и никакого ощущения, что ты лишняя в собственном доме. Раньше это было просто чувство, теперь у меня чёткое осознание, что это жёсткий факт.

Ну и пусть везут куда хотят, хоть за пять часов к югу. Я не пропаду.

От этой мысли меня охватила такая жгучая, горькая злость, что о сне можно было забыть.

Я открыла глаза. Я заснула? У меня получилось? Вроде бы я смогла поспать. От мысли, что всё же мне удалось уснуть этой ночью, я обрадовалась. Я посмотрела на часы: 7:48. Значит, хоть пару часов я поспала. Но приятное ощущение резко сменилось гнетущим. Пора вставать и собирать вещи. Вчера я была так разгневана и расстроена, что вообще ничего не сделала. Не собрала вещи, не подготовилась, не дозвонилась Андреа. Надо срочно вставать и делать всё то, что должна была сделать ещё вчера вечером. Мысль о том, что надо

встать, ещё больше приковала меня к постели. Как же хочется спать, я вообще не выпалась. Может, я могу поспать ещё немного? Отец приедет в 10, он будет недоволен, но ему всё равно придётся подождать меня, он же не поедет вместо меня учиться в элитной школе. Но вообще стоило бы уже вставать сейчас, чтобы всё успеть. Пока я торговалась с собой, глаза стали смыкаться. Нет, не засыпай, надо вставать! Но так хочется уснуть... Нет, только не засыпай!

Я провалилась в сон.

Мне снилось, что я под водой. Под очень горячей водой. Я опускаюсь на дно. Пытаюсь всплыть, но не выходит. Я стараюсь всё больше, мне уже нечем дышать. Я начинаю задыхаться. Я стараюсь вдохнуть глубже, но воздуха нет. В попытках проглотить ртом воздух я начинаю просыпаться. Я резко открыла глаза, воздуха всё ещё не хватало. Под одеялом было ужасно жарко. Я поспешила скинуть его. В комнате было ужасно душно. Кислорода настолько не хватало, что я не могла перестать тяжело дышать. Я поспешила встать с постели и открыть дверь. Прямо босиком я подбежала к двери, распахнула её, но, когда я сделала шаг в коридор, меня обдало ещё большим жаром. Я инстинктивно отшагнула назад и закрыла дверь. Кто включил отопление на полную? Это Ми-ми баловалась? Включила батареи на всю и уехала в садик? Сейчас же лето! Но злость на проказы сестры не взяла верх, так как я всё ещё не могла нормально дышать. Я подбежала к окну. Попытки его открыть не увенчались успехом, его за-

клинило. Опять? Его только починили, и вот опять окно не открывается? Я судорожно начала дёргать окно сильнее. Уже подступала паника: я не могла вдохнуть свежего воздуха. Я дышала всё тяжелее и чувствовала, что начинаю задыхаться. Меня бросило в пот. Я всё ещё не могла открыть окно. Бесполезно. Я приняла решение, что надо срочно идти на улицу. Большими шагами я опять направилась к двери, вышла из комнаты, но горячий воздух заставил меня замереть в коридоре. В глазах защипало от жара, я зажмурилась. Я начала кашлять. Я стояла, не имея возможности сделать ни шаг вперёд, ни шаг назад. Я не могла заставить себя открыть глаза. Я уже задыхалась. Я пыталась дышать, но не выходило. В ушах начало звенеть, ноги обмякли, и я упала на пол, погружившись в темноту.

Я открыла глаза и перевернулась. Плечо, на которое я упала на пол, заныло. Я поморгала, стряхивая с себя остатки сна, и села на пол. Потирая пострадавшее плечо, я растерянно оглядывалась, пытаюсь понять, что произошло. Я упала в обморок! До такого бессонница меня ещё не доводила. Я сидела на полу возле лестницы, что ведёт на первый этаж. В доме уже не было жарко, я дышала спокойно и ровно. Со мной такое произошло в первый раз. Я не решалась встать, перебирая в голове мысли о том, что было бы, если бы я упала в обморок на несколько шагов позже. Я бы успела дойти до лестницы и пересчитала бы каждую ступеньку своим лицом. Я разглядывала ступеньки, в ужасе представляя послед-

ствия, которые могли бы быть, и мне на глаза попался чемодан ярко-жёлтого цвета, который стоял снизу в прихожей. Одни мысли сменились другими: меня же сегодня повезут в интернат! Я сразу же вскочила и пошла в свою комнату.

Часы на прикроватном столике показывали 9:25. Я всё проспала! Сон как рукой сняло. Отец вернётся с работы к десяти, а я даже не решила, что возьму с собой. Ещё минуту я не понимала, за что надо взяться: одеться, умыться, выбрать вещи или, может, я что-то ещё упускаю из вида, что нужно сделать. В итоге я пулей рванула на первый этаж, схватила чемодан и потащила его наверх.

Из шкафа я доставала всё, что видела, давала себе пару секунд на то, чтобы оценить вещь, и либо скидывала на пол, либо кидала в чемодан. Я очень спешила.

Ближе к десяти часам чемодан уже был полон, я уже оделась в фиолетовые штаны, серую толстовку и приводила свои длинные волосы в порядок. Мои движения всё ещё были быстрыми и резкими, я боялась не успеть до прихода отца. И боялась, что что-то забуду. Но, собираясь в такой спешке, я уже приготовилась что-то забыть. С первого этажа донёсся крик:

— Эрика, ты готова?

Отец пришёл.

Мы ехали в машине по трассе с максимальной скоростью, с которой отец не боялся ехать. Он очень спешил. Пока он

отвезёт меня, будет уже поздно, а ему ещё ехать пять часов обратно. Я сидела на переднем сиденье и смотрела на дорогу. Слева и справа от нас мелькали деревья. Было пасмурно, хотя дождь уже не моросил. Разговаривать я не хотела, я была обижена на отца. Как будто он везёт меня на казнь, а не в элитную школу с проживанием. Да и отец, видимо, тоже не знал, о чем со мной разговаривать.

Я взяла телефон, чтобы проверить сообщение от Андреа. Утром она ещё не была в сети, похоже, не успела проснуться. Связи на трассе посреди леса, естественно, не было, так что придётся ждать прибытия, чтобы связаться с ней. Отец включил поворотник, и мы съехали с трассы на прилегающую дорогу, которая вела прямо в лес. Асфальтированного покрытия уже не было, так что отец сбавил скорость, и мы медленно ехали посреди деревьев. Я напряглась. Я знала, что школа находится на природе, но почему мы ехали прямо вглубь леса?

— Ты точно туда свернул?

— Да, навигатор так показывает. Ещё четыре километра, — спокойно ответил отец, будто каждый день ездит по таким лесным дорогам. Я посмотрела на навигатор, мы и правда ехали правильно. Куда меня хотят завезти?

Через какое-то время в конце этой дороги стал виднеться высокий забор. Мы подъехали к воротам. Охранник автоматически открыл нам из будки, и мы въехали на территорию. А если бы мы были злоумышленниками? Он не собирался

узнавать цель нашего визита?

Территория была довольно просторная. Мы подъехали к единственному зданию. Я думала, будет несколько корпусов, но корпус был один, зато очень большой. Пятиэтажное здание казалось очень старым и длинным.

Мы вышли из машины. Пока отец доставал чемодан, я осматривалась. Я заметила пару учеников чуть помладше меня недалеко от входа, они сидели на скамейке и смеялись. Возможно, тут всё не так плохо, как я думала. Может, и у меня хватит сил улыбнуться чуть позже.

— Эрика, я поехал, — отец поставил передо мной чемодан от Клармса Виньетте и потянулся, чтобы обнять меня. Сил с ним говорить не было, поэтому я молча обняла отца. Никакого тепла от объятий с родным человеком я не почувствовала.

— Ты не проводишь меня? — пробубнила я в плечо отца.

— Мне долго ехать, тебя там встретят. Будь умницей, — дежурно ответил отец и открыл дверь машины. Я не стала отвечать. Может, ему тоже тяжело долго прощаться, но мне сейчас тяжелее. Я молча стояла, пока отец уезжал к воротам. Я проводила машину глазами, и когда она скрылась из виду, я решила, что мне уже тоже пора. Раз захотели меня отдать в интернат, что ж, пусть так, значит, я буду сильнее. Это не конец, это только начало.

Приободлив себя, я взяла свой чемодан за ручку и неуклюже стала тащить его ко входу в здание. Я открыла большую

деревянную дверь и буквально ввалилась внутрь, не справляясь с тяжестью своего багажа.

Внутри здания школы был очень тусклый свет. Всё вокруг было деревянным, и пол, и стены, и большая лестница, что была прямо напротив входа. В холле оказалось много народу, мимо меня ходили ученики в голубой школьной форме, кто-то переговаривался, кто-то смеялся, кто-то нёс учебники. Вокруг кипела жизнь, а я стояла возле входа и не знала, куда идти дальше. Кто должен меня встретить? Никого из взрослых я не видела.

Оглядевшись, я решила спросить у кого-то, куда должны идти новички вроде меня. Пока я взглядом выбирала, кто из ходящих мимо учеников смог бы мне помочь, я заметила взрослую женщину, которая спускалась по лестнице и смотрела прямо на меня. Когда она увидела, что я её заметила, она ускорила шаг, будто боялась, что я убегу от неё.

— Ты Кросс? — строго спросила меня женщина, когда подошла ко мне.

— Да.

— Почему так поздно-то?! Уже все приехали! Почему не в форме? По школе можно ходить только в форме! — начала задавливать своей строгостью женщина. На ней был такой же строгий костюм, какой обычно бывает у Кларисы перед важным совещанием, только не такой новый и дорогой.

— Мы долго ехали...

— В свободной одежде можно находиться только после

отбоя, — не дав мне объясниться, продолжила женщина. — Пошли быстрее, я покажу тебе комнату. Женщина быстро развернулась и направилась обратно к лестнице. Я взяла чемодан и поспешила за ней, пока она не убежала от меня.

— Столовая у нас дальше по коридору налево, потом ещё один раз налево, учебное крыло на первом и втором этажах справа, — затараторила серьёзная женщина. Видимо, это была такая беглая экскурсия. Я волочила чемодан по деревянным ступенькам, и больше была сосредоточена на том, чтобы не отставать. Всё равно я не понимаю по её описанию, что где находится. Мы поднялись, потом шли по длинному коридору, повернули несколько раз, потом спустились ещё раз на этаж ниже, потом опять шли, потом опять поднялись. Эта школа выглядела как лабиринт. Я легко теряюсь даже в самых простых зданиях, а тут я даже не пыталась запомнить дорогу, для меня это бесполезно. Чувствую, чтобы запомнить план школы, мне потребуется очень много времени. Наконец-то женщина остановилась у очередной двери и открыла её. Она по-хозяйски зашла, включила свет и пригласила меня. Я прошла в маленькую комнатку. По бокам стояли две узкие кровати, за ними возле окна два маленьких письменных стола с настольными лампами. Между кроватями расстояние было не больше метра. Правая половина комнаты уже была кем-то занята: на столе и кровати лежали вещи, а над кроватью висели плакаты с популярной молодёжной группой «For Love». Левая половина, похоже, принад-

лежала мне.

— Всё, переодевайся в форму, я принесу тебе устав школы, — строгая женщина собралась уходить.

— У меня нет формы, — наконец-то смогла сказать я, смутившись, будто уже нарушила сотню правил.

— Почему ты не привезла с собой? Твоим родителям не прислали макет для пошива? — возмутилась женщина. — Ладно, я сейчас посмотрю, принесу тебе. — Женщина обвела меня взглядом. — Хотя твоего размера, скорее всего, не будет. Какой размер обуви?

— Тридцать восьмой, — буркнула я, ощущая неловкость за такое огромное одолжение.

Женщина удалилась, а я осталась один на один со своей новой комнатой. Может, она не найдёт форму моего размера, меня не пустят на занятия и отправят сразу же домой?

Решив разложить вещи, я открыла чемодан. Шкафа в комнате я не обнаружила. А где тогда соседка хранит вещи? Я увидела торчащий из-под кровати чемодан и сделала вывод, что никакие вещи разбирать мне не надо, они так и будут лежать в чемодане под кроватью за неимением другого места.

Плюхнувшись на свою новую кровать, я достала телефон, чтобы позвонить Андреа. Полоски связи были на нуле, интернет отсутствовал. Я перезагрузила телефон, но проблему это не решило. Я подошла к окну и вытянула руку, чтобы словить сеть, но опять ничего не вышло. Пока я водила телефоном возле окна в попытках поймать связь, меня застал

врасплох голос:

— С гаджетами на занятия и в столовую нельзя. Ответственность несёшь ты, если украдут, ко мне бежать не надо, — услышала я всё тот же голос. Строгая женщина вернулась, положила на кровать два комплекта формы, тонкую книжечку с мягкой обложкой и чёрные туфли.

— Нашла только тридцать девятый. Прежде чем бегать ко мне с вопросами, прочитай устав школы, там всё написано, — строгая женщина ушла, даже не дав мне возможности узнать, кто она такая. Директриса? Учительница? Воспитатель? Кто ещё тут может работать? Оставив попытки словить связь, я решила сразу переодеться. Мне очень не хочется столкнуться с этой дамой, будучи в своей обычной одежде.

Форма действительно была не по размеру. Конечно, велико — не мало, но одежда на мне совсем не сидела. Белая блузка была очень широкая, у голубого пиджака были длинные рукава, а юбку пришлось затянуть ремнем от моих штанов. Интересно, это просто мой маленький размер всем раздали, или они специально шили всю форму побольше? Надо позвонить отцу и попросить, чтобы заказал форму и прислал мне. До каникул я в такой одежде не прохожу. Я расстроилась, что в таком виде пойду знакомиться с людьми, с которыми мне целый год придётся учиться и жить вместе. Всё же одежда влияет на настроение. Но сейчас главной задачей было поймать связь на телефоне, с формой уже всё равно ниче-

го не сделать. Окончательно решив, что в комнате не ловит, я вышла с телефоном в коридор. И столкнулась с главной проблемой в своей жизни: я не помнила, с какой стороны мы пришли. У меня такой сильный топографический кретинизм, что каждый раз в новом месте, заходя в магазин, я абсолютно не помнила, с какой стороны я пришла к нему. Если хотите спросить у меня дорогу, то непременно попадёте куда угодно, но не туда, куда надо. Поэтому я стояла в коридоре и абсолютно не понимала, куда идти. Даже если бы здание не было таким сложным по планировке, это не сделало бы задачу легче. Смирившись с положением, я просто пошла направо, куда-нибудь я точно выйду.

Я свернула пару раз, предстояла задача миновать две лестницы, но я даже не понимала, на каком мы этаже. Я увидела лестницу и решила, что попробую спуститься здесь. Я всё равно не понимаю, та ли это лестница, которая мне нужна.

Начав спускаться по лестнице, я невольно притормозила, словно наткнувшись на невидимую преграду. Высокий парень стоял посреди лестничного пролёта, словно изваяние, и сосредоточенно смотрел вниз, ожидая кого-то увидеть. Школьная форма на нём сидела безупречно, будто сшитая точно по его меркам, и сразу стало обидно, что на мне она так не выглядит. Этот привычный голубой цвет формы на нём казался совершенно иным, более глубоким. Что-то отличало его от всех остальных учеников, которых я успела увидеть в холле. Он выглядел немного старше, может, вто-

рогодка? Он стоял расслабленно, но его спина была прямой, как стрела, и эта идеальная осанка сразу бросалась в глаза. В моём классе все высокие парни невольно сутулились, чтобы казаться ниже. Этот же, наоборот, казался уверенным. Чёрные волосы мягкой волной обрамляли его лицо, а глаза... глаза цвета холодной стали смотрели с пронзительной глубиной. Стройный, подтянутый, он излучал какую-то внутреннюю силу и притягательность, которые завораживали с первого взгляда.

Я машинально выпрямила спину, будто он своим видом мне напомнил, что сутулиться некрасиво, и пошла мимо него по лестнице. Хотя я и могла догадаться, что, выйдя из комнаты, я встречу других людей, но стало стыдно за свою школьную форму именно сейчас. Я спустилась мимо него вниз, делая вид, будто я тут одна.

Красивый.

Я спустилась на один этаж и пошла дальше по коридору. Но тут меня стали терзать сомнения. Я точно шла по этому коридору, когда поднималась к себе? На стене красовалась большая картина всадника. И я была полностью уверена, что я её не видела. Пройдя ещё немного, мои сомнения заставили меня остановиться. Я уже была почти уверена, что не шла раньше по этому коридору. Учítывая, что в таких ситуациях я оказывалась постоянно, я просто развернулась и пошла обратно. Проверила телефон — в этом коридоре всё ещё не ловит. Стало нарастать волнение, почему я никак не

могу поймать сигнал. Мне надо связаться с Андреа, уже время близится к вечеру! Она наверняка прочитала уже моё сообщение и ужасно переживает.

Поднимаясь по лестнице, я опять столкнулась с мистером идеальная осанка. Он всё ещё стоял и кого-то высматривал. Теперь мне стало неловко не только из-за того, что одежда на мне сидела кое-как, но и оттого, что он наверняка мог догадаться, что я заблудилась. Мне пришла в голову отличная мысль спросить его, как пройти к выходу, я стала на него смотреть, размышляя, как задать вопрос, но сформулировать мысль быстро не удавалось. Парень смотрел на меня спокойными серыми глазами. Я уже открыла рот, чтобы наконец-то спросить.

— Выход дальше по коридору и вниз по второй лестнице, там направо и до конца, — сказал парень. Я заулыбалась от облегчения, что он предугадал мой вопрос. Я обратила внимание на его мягкий и красивый голос.

— Спасибо, — поблагодарила я его с невольной улыбкой и проскочила мимо него наверх. Парень остался кого-то высматривать на лестнице, а я пошла уверенным шагом по его указаниям, пока ничего не забыла.

Просто так выйти из школы не удалось, дорогу всё же пришлось спросить ещё два раза. И когда наконец-то я вышла через главный вход на улицу, первое, что я сделала, — стала проверять связь. И её всё ещё не было. Я медленно пошла вдоль здания, перезагружая телефон и надеясь, что сейчас

он поймает сигнал.

— Здесь не ловит. Ты новенькая? — обратился ко мне женский голос. Ко мне подошла моя ровесница, миниатюрная девочка с короткими кудрявыми волосами и веснушками. Её глаза весело смотрели на меня сквозь большие круглые очки.

— В смысле не ловит? — серьёзно спросила я девушку. Её слова меня не на шутку испугали.

— Мы же в лесу, тут нет связи. Я Лорен, — виновато ответила девушка, будто связи тут нет из-за неё.

Имя: Лорен

Фамилия: Деккер

Возраст: 17

Рост: 157 см

Цвет волос: русый

Цвет глаз: голубой

Дата рождения: 13.01.2009

Род деятельности: ученица школы имени Барри Бахмана

— Я Эрика, — на автомате ответила я. — В смысле тут нет связи? — я уже не на шутку занервничала и надеялась, что если спросила второй раз, то возможность словить сигнал сразу же появится.

— Ну мы же в лесу, откуда тут связь? — заулыбалась Лорен.

— погоди, ты хочешь сказать, что в школе вообще нигде не ловит мобильный? — возмутилась я.

Лорен не стала повторять ещё раз, что мы в лесу, и связь тут не ловит, и просто смотрела на меня. Не дождавшись ответа, я огляделась. Появилась мысль, что вдруг она врёт, и я сейчас глазами упрусь в вышку сотовой станции. Но нет, перед моими глазами были только высокие деревья за забором школы.

— Ко мне должны подселить соседку из одиннадцатого класса, ты из какого? — спросила Лорен.

— Да, я из одиннадцатого, — ответила я, не переставая смотреть на величественные деревья. Только сейчас я начала осознавать всю суть происходящего. Всё как сказала моя новая знакомая: *я в лесу, и связи тут нет*.

— Так, наверное, ты и есть моя новая соседка, больше новеньких девочек из одиннадцатого не должно было быть! — обрадовалась девушка. Я перевела на неё взгляд, но не потому, что мне так хотелось сейчас поддержать диалог, а потому что было просто невежливо не смотреть на собеседника.

— Здорово, рада познакомиться, — выдавила я из себя с вымученной улыбкой. Надо было показаться вежливой перед человеком, с кем я буду жить целый учебный год в крохотной комнате, но это было довольно сложно, потому что я боролась с паникой.

— Как вы тогда связываетесь с родными, если тут не ловит связь? — спросила я максимально спокойно, насколько сейчас могла.

— Мы пишем письма. Почтальон приезжает два раза в

неделю, письма можно опустить в ящик возле ворот, — Лорен указала своей маленькой ручкой в сторону выезда.

Пишем письма. Понятно. Я попала в средневековье. Может, они ещё бьют учеников розгами за плохие оценки, а за шалости сажают в карцер? У меня голова пошла кругом. Первое, что мне захотелось, — это бежать обратно в комнату и писать письмо отцу, чтобы он срочно забрал меня отсюда. Я даже согласна, чтобы меня перевели в другой интернат, поближе к цивилизации, где ловит мобильный интернет. Но тут оставаться я не хочу.

— Ты же привезла с собой конверты? — поинтересовалась Лорен.

— Конверты? — я озадачилась. Конечно, я не догадалась, что мне могут понадобиться конверты, естественно я их с собой не привезла. У меня никогда не было конвертов, я никогда не писала письма!

— Ты совсем не подготовилась? А форму почему не пошила? — Лорен обратила внимание на мою одежду, и мне стало стыдно за свой внешний вид ещё раз.

— Да у меня как-то не было времени подготовиться... — смутилась я.

— Хочешь, я дам тебе конверт, а ты попросишь родителей прислать тебе ещё? И марки пусть пришлют. Ты уже смотрела школу? Пойдём я тебе до ужина всё покажу! — затараторила Лорен и, взяв меня под локоть, повела ко входу в школу. Экскурсия по такому запутанному зданию не помешала

бы, но вот сосредоточиться не выходило. Я не могу связаться с Андреа. Даже тот факт, что моя соседка милая и добрая девочка, совсем не мог меня сейчас порадовать.

Лорен оказалась очень разговорчивой. Она меня водила по коридорам и лестницам, без умолку рассказывая, что где находится, не давая мне вставить ни слова. Я же никак не могла сосредоточиться на экскурсии, и пропускала мимо ушей половину того, что она мне рассказывала. Будучи ребёнком того поколения, что уже независимо от интернета, я пока не могла понять, как буду без него. Мы каждый день переписывались с Андреа, да и большую часть материалов для домашнего задания я искала в интернете. Лорен мне объяснила, что библиотека открыта до отбоя, и там можно найти все необходимые для занятий книги. Я любила читать и читала много, но такого опыта в поиске информации у меня не было. Мы обошли всё здание, плутая по коридорам, то поднимаясь, то спускаясь по лестницам, зашли в библиотеку и забрали мои учебники, и наконец-то Лорен привела меня в нашу комнату. Я уже утомилась и, плюхнув большую стопку учебников на стол, сразу упала на кровать. С утра я так и не поела, и от голода уже начинало мутить.

— Не ложись, нам уже пора на ужин, — таким же бодрым голосом сообщила Лорен, каким вела всю экскурсию. Вставать ужасно не хотелось, но желание наконец-то поесть пересилило. Я вздохнула, и Лорен повела меня в столовую. Конечно же, я совершенно не запомнила, где она, даже после

такой экскурсии, поэтому просто шла за новой подружкой, не пытаюсь запомнить дорогу.

Подойдя к столовой, я почувствовала приятный запах мяса, и голод проснулся ещё больше. Большинство учеников уже пришло на ужин, поэтому мы взяли с Лорен подносы и встали в очередь на выдачу еды.

— Тебе родители заказали талоны на питание? — спросила Лорен.

У меня внутри что-то оборвалось. Нужны талоны на питание?! То есть мне сейчас не дадут еды без талона? Я установилась на Лорен в надежде, что она всё разъяснит.

— Что, нет талонов? Не переживай, у меня тоже нет, — засмушалась Лорен.

— А как мы тогда сейчас получим еду без талона? — не понимала я.

— Ну нас же не могут оставить голодными, — засмеялась девушка. — Нам выдадут бесплатный ужин от школы, а те, кому родители купили талоны на питание, получают просто другую еду.

Вот тебе и элитная частная школа с проживанием, ни интернета, ни нормальной формы, ни талонов на питание. Отец специально не стал транжириться на такие необходимые вещи или просто не знал? Могу поставить все свои книги на то, что Клариса знала и специально ничего не заказала!

Я на секунду подумала, что я не буду есть до тех пор, пока отец не получит письмо и не закажет мне талоны на питание.

Наша очередь подходила, Лорен поставила поднос на решётку возле раздачи еды и, сказав полной кухарке кодовую фразу «Без талона», получила тарелку с овсяной кашей и стакан с чаем, который налили половником из большой кастрюли. Я повторила действия за Лорен и направилась за ней к свободному столику.

Я сидела напротив Лорен и смотрела, как она уплетает овсянку. Посмотрев на свою тарелку, начинать есть мне не хотелось. Каша лежала жидкой серой массой, явно была сварена на воде. Я решила попробовать чай, который немного не долили в стакан. Он был чуть тёплый, и я не ожидала, что он будет без сахара. Я слегка сморщила лицо от горького чая и, поставив его обратно на поднос, всё же решила попробовать кашу. Зачерпнув небольшое количество странной массы на ложку, я аккуратно попробовала. Я опять ожидала, что каша будет сладкой, но, как и чай, она была тоже без сахара. Сахар разве такой дорогой, что его пожадничали добавить хоть куда-нибудь?!

— Тут можно взять сахар? — спросила я в надежде исправить свой ужин.

— Нет, сахар выдают только по талонам, — ответила Лорен и отодвинула от себя тарелку. Она уже доела, и я этому совсем не удивилась, потому что порция была маленькой, и есть там было откровенно нечего.

— Понятно... — многозначительно протянула я и откинулась на спинке стула, решив выпить хотя бы несладкий

чай.

Я стала рассматривать учеников за другими столами. Больше, чем у половины из них еда на подносах была совсем другая. Я заметила, что по талонам сегодня давали кусок варёной говядины с пюре, салат из помидоров и огурцов и два овсяных печенья к чаю. Чай они заваривали сами из пакетика, кто-то чёрный, а кто-то зелёный. И насыпали себе в чашку два пакетика сахара. Я невольно засматривалась на то, как ученики поглощают такую аппетитную на вид еду, и в животе заурчало. Я всё же попробовала съесть пару ложек овсянки, но больше давиться я ей не могла. Я ненавижу овсянку. За другими столами те ученики, кто тоже получил кашу, уплетали её точно так же, как и Лорен, и я подумала, что со мной что-то не так, раз я не могу её есть.

В двух столах от меня я заметила того парня, который стоял на лестнице и подсказал мне дорогу. Перед ним был поднос с едой по талону, но почему-то он к ней не притронулся. Парень просто пил чай, причём пакетики с сахаром тоже лежали нетронутые. Я с завистью засмотрелась на его еду, но голос Лорен меня отвлек:

— Ты будешь доедать? — рука девушки указала на мою тарелку.

— Нет, угощайся, — догадалась я, к чему этот вопрос. Лорен обрадовалась, взяла мою тарелку и также с аппетитом начала уплетать мою остывшую кашу. Может, если этот парень с идеальной осанкой не хочет есть свой ужин, он согла-

сится отдать его мне? Но подойти вот так к незнакомцу и попросить его отдать свою еду было некрасиво, вдруг он её собирается съесть. Поэтому я отказалась от этой мысли. Тем временем парень встал из-за стола и, взяв поднос, отнёс его на стол с грязной посудой. Работница, что весь ужин счищала остатки еды с тарелок в мусорку, на пару секунд задумалась над подносом этого парня, оценила, что еда не тронута, взяла его и унесла в помещение для персонала. Мне стало даже обидно, что я не подошла попросить у него еды, всё равно теперь она достаётся другим.

Когда мы собирались уходить, нас остановил мужской голос:

— Эй, куколка, уже уходишь? Ты забыла про мой поднос, — обращались явно к Лорен. К нам подошёл очень высокий толстый парень, его большое круглое лицо было усыпано красными прыщами, а на лице была ехидная ухмылка. Я посмотрела вначале на парня, не понимая, что он конкретно хочет, а потом посмотрела на Лорен. Она сразу поникла, опустила голову и почему-то не отвечала.

— Куколка, язык проглотила? Давай за работу! — продолжал давить на неё парень. Лорен сжалась, на парня она не смотрела.

— Эй, Флойд, ты там застрял, что ли? — второй парень, стоявший чуть подальше от нас, позвал бугая.

Имя: Джесси

Фамилия: Флойд

Возраст: 17

Рост: 189 см

Цвет волос: тёмно-каштановый

Цвет глаз: тёмно-карий

Дата рождения: 04.02.2009

Род деятельности: ученик школы имени Барри Бахмана

Парень наклонился к самому лицу Лорен и, неприятно улыбаясь, сказал чуть тише:

— Ты что, решила, что в этом году можно отлынивать? Не расстраивай меня, — парень выпрямился и ушёл к своему приятелю. Я проводила его вопросительным взглядом, не понимая, что это было, а потом спросила у Лорен:

— Кто это?

— Это Джесси Флойд, он с нами в классе. Он постоянно пристаёт ко мне, — ответила соседка, которая заметно поникла.

— И как часто он заставляет тебя убирать за ним подносы? — возмутилась я.

— Ладно, пойдём лучше, — Лорен встала и собралась двигаться к столику Флойда за подносом.

— Лорен, не убирай, — строго приказала я. Я была возмущена до предела наглостью этого жирдяя. Я не знала, как восстановить справедливость, но точно знала, что его поднос мы относить не будем.

— Он смотрит, — заколебалась девушка, не зная, что делать. Флойд с дружкой остановились у выхода и следили

за нами. Я молча встала, взяла свою новую подружку за руку и потащила к выходу. Лорен упиралась всего секунду, но поддалась мне. Мы прошли прямо возле этих парней, лицо Флойда покраснело, и он зло проводил нас взглядом, но ничего не сказал. Я уверенно шагала по коридору прочь из столовой, продолжая вести Лорен за руку, пока она не сказала: «Нам в другую сторону».

После ужина мы сидели с Лорен в комнате. Первое время она ещё была поникшей, видимо нервничала, что этот Флойд может выкинуть что-то ещё. Но потом мы разговорились, и Лорен опять стала живой и весёлой. Мы сидели на кроватях, она весело щебетала про свою любимую музыкальную группу, потом про свои любимые книги, потом про то, как хочет поступить на факультет журналистики. Я слушала её внимательно, но самой мне рассказать что-то возможности не предоставлялось.

— У тебя есть парень? — с огромным интересом спросила Лорен, видимо, решив сменить тему на более личную.

— Нет. А у тебя?

— Я подружилась с одним парнем из соседнего класса в конце того учебного года. Его зовут Дерек, он тоже читает те детективы, что и я! Но в этом году он пошёл в обычную школу, поэтому, пока я не закончу обучение, мы будем держать связь только по переписке, — Лорен начала свой ответ весело, но в конце погрустнела.

— Вы можете увидеться на каникулах, — предложила я, чтобы подбодрить новую подругу.

И Лорен опять защебетала, рассказывая о Дерекe. Она так довольно рассказывала о своём друге, что уже не оставалось сомнений, что она влюбилась. Я даже слегка позавидовала, Лорен светилаcь от счастья, пока говорила об объекте своей любви. Мне же ещё не выпал шанс кого-то полюбить. Кроме школы я толком и не ходила никуда, общалась только с Андреа, а мальчики из моего класса — не самый лучший выбор. Очень надеюсь, что когда-нибудь я буду сидеть с Андреа на кухне и также воодушевлённо ей рассказывать про своего парня. Но пока что у меня нет ни парня, ни Андреа, ни даже кухни.

Глава 3

Утром я не могла проснуться, и моей соседке пришлось меня толкать. Неудивительно: я опять не спала до четырёх утра, а вот Лорен сопела уже в десять вечера. Я же ворочалась всю ночь, слишком много на меня навалилось нового, и размышления обо всём перебивали весь сон. Вечером Лорен уговорила меня сходить в душ, объяснив, что ближе к отбою там меньше народу, поэтому я внушила себе, что так рано вставать не надо, и сопротивлялась уговорам Лорен, что мы опоздаем. В конце концов моя новая подруга победила, мы собрались и пошли завтракать. На завтрак была та же каша, что и вчера, просто разогретая. Но я была уже настолько голодной, что доела всё до последней ложки. Теперь я пони-

маю, почему вчера все так уплетали эту серую массу.

Я заметила в столовой Флойда в компании двух дружков. Они поглядывали на нас, и я ожидала, что этот задира опять подойдёт к нам. Но, к моему удивлению, они сами отнесли подносы и ушли. Хорошо, что мы дали вчера отпор, сегодня он уже понял, что подходить к нам бесполезно. Я выдохнула, потому что немного волновалась, что с ним придётся разбираться мне. Хотя я и знала, как давать отпор таким хулиганам, знала я это только в теории. На практике мне ещё эти знания применять не доводилось.

Лорен вела меня на первый урок, параллельно рассказывая о нашем учителе, и вот мы наконец-то зашли в класс математики. Одиночные парты стояли в три ряда, помещение было большое, большинство учеников уже собрались и активно общались между собой. Флойд с друзьями тоже уже сидели. Лорен провела меня в центр класса, и мы сели за соседние парты. Моя подруга положила свои вещи и ушла протирать доску. Я выложила на парту тетрадку и приготовилась к тому, что раз я новенькая, то в первый учебный день ко мне будет повышенное внимание. Но мной вообще никто не интересовался, будто я все предыдущие 10 лет училась вместе со всеми.

Лорен тянулась на носочках, вытирая доску от мела. Непонятно, почему с доски должна вытирать самая миниатюрная девочка в классе. Флойд и один его дружок резко встали из-за своих парт и быстро направились к доске. Я на-

сторожилась, наверняка они будут выяснять, почему она не убрала поднос.

Подойдя к Лорен, Флойд резко схватил её сзади за шею своей пухлой рукой и прижал лицом к доске. Я дёрнулась. Что он собирается сделать, бить девушку? Лорен стояла на носочках и от неожиданности могла только ойкнуть. Жирдяй резко поднял юбку Лорен, и в этот момент класс наполнили возбуждённые возгласы одноклассников. Все как по команде стали смеяться, кто-то выкрикнул: «У неё трусы детские!». Лорен задёргалась и стала махать руками в попытках выдернуть юбку из руки Флойда, её лицо уже стало красным от такого давления, очки слетели с её лица на пол. Дружок Флойда оттянул трусы, и под крики одноклассников насыпал в них семечек. Нет, семечки так не разлетаются, он насыпал шелуху от семечек! Лорен стала извиваться всем телом, в её глазах проступили слёзы. Класс взорвался ещё больше от такого зрелища, я подскочила с места и уже дёрнулась в сторону Лорен, но я не успела дойти, жирдяй отпустил её, заливаясь смехом вместе со всеми. Как только Лорен освободилась, она схватилась за юбку и выбежала в слезах из класса.

Дружок Флойда дал ему пять, а все в классе стали аплодировать. Я стояла как вкопанная и смотрела на Флойда, который был безмерно горд собой и улыбался до ушей. Я поверить не могу, что подростки могут быть такими жестокими. В своей школе максимум, с которым можно было столкнуться, — это кто-то кого-то обидно обзовёт. С такими жёсткими

ми шутками мне приходилось сталкиваться только в книгах. От несправедливости к горлу подкатил ком, а смеющийся Флойд направился к своему месту. В тот момент, когда он проходил мимо меня, я думала не больше секунды и резко выставила ногу. Жирдяй зацепился за мою подножку и с грохотом упал всей своей массой на пол.

Класс взорвался возгласами второй раз. Только уже смеялись над самим Флойдом.

— Во новенькая даёт! — заливаясь смехом, стал аплодировать какой-то парень.

Жирдяй закричал, его большое прыщавое лицо в миг стало пунцовым и перекосилось от ярости. Сердце в моей груди бешено колотилось. Я никогда раньше такого не делала. Я даже не сама додумалась подставить подножку: когда Андреа один задира дразнил из-за анимешного рюкзака, она остановила его нападки именно таким приёмом. Вроде безобидный, но очень внушительный способ постоять за себя. Я смотрела, как Флойд неуклюже поднимается, адреналин бурлил в крови, и я ожидала, что именно он мне скажет. Но Флойд просто молчал и оскалил свои кривые зубы. Он сжал кулаки и резко замахнулся на меня. Перед глазами мелькнула большая рука Флойда, я инстинктивно потянула руки вверх, зажмурившись, но уже поняла, что это меня не спасёт.

Удара не произошло. Я медленно открыла глаза и увидела, что высокий парень схватил руку хулигана и остановил её прямо перед моим лицом. Я замерла, было чувство, что

я ещё не в безопасности. Рядом с Флойдом стоял тот самый мистер Идеальная осанка, на плече у него висел рюкзак, и одной рукой он держал запястье жирдяя. Его глаза необычного стально-серого цвета сердито смотрели на хулигана. Флойд стал вырывать руку:

— Новенький?! Ты нарываешься, что ли? — рявкнул парень.

Несмотря на то, что хулиган был в сто раз шире и крупнее своего оппонента, Флойд никак не мог вырвать руку из крепкой хватки. Новоиспечённый герой был высокий и спортивного телосложения, но по весу он сильно проигрывал.

— Аккуратнее, — негромко, но в то же время очень угрожающе сказал новичок.

— Да ты... — рявкнул Флойд, но его речь прервал громкий голос:

— Все по местам, успокаиваемся, — скомандовал учитель, заходя в класс. Парень отпустил руку Флойда и, как будто бы ничего не было, пошёл в конец класса. Но Флойд не мог закончить на этом.

— Сегодня после отбоя за школой устрою тебе тёплый приём, — процедил сквозь зубы Флойд и ушёл на своё место. Парень ничего не ответил и сел за парту. Пока все ученики рассаживались, по классу передавался шёпот: «Сегодня стрелка! Флойд против новенького!». Пока гул не затих, я решила закончить то, что собиралась сделать с самого начала: я подбежала к доске, подняла очки Лорен и собралась

идти за ней.

— Ты новенькая? Садись, или тебе нужно отдельное приглашение? — строго спросил учитель.

— Простите, моей подруге плохо, я хотела пойти к ней, — уверенно произнесла я, но из класса меня уже не выпустили. Сжимая очки Лорен, я была вынуждена сесть за свою парту. На линзе очков была большая трещина.

Сразу после звонка я отправилась в комнату, предполагая, что Лорен там. Но, проделав нелегкий для меня путь из учебной части здания в спальную, Лорен в комнате не оказалось. Я забеспокоилась: не натворит ли она глупостей на эмоциях? Мы только познакомились, и я не знала, что она может сделать после такой ситуации. Искать её смысла не было, я понятия не имела, где она может быть.

Оставшиеся уроки я сидела, как на иголках. Новенький парень после первого урока ушёл, и в классе пошёл слух, что он испугался Флойда и сбежал, как последний трус. Я чувствовала свою вину, так как, по сути, он впутался во всю эту историю с Флоридом из-за меня. Если бы он не остановил кулак, который летел в моё лицо, я бы уже сидела в медпункте с фиолетовым фингалом. Или со сломанным носом. Но и парень в первый свой день в новой школе не вляпался бы в неприятности. Помимо чувства вины перед этим парнем, я очень переживала за Лорен. Я даже представить не могла, как она сейчас переживает.

После последнего урока я поспешила в столовую, надеясь,

что Лорен придёт к обеду. Я шла в толпе по коридору, ожидая, что подруга уже будет на обеде, но, зайдя в столовую, я её не нашла. Мне даже расхотелось есть, потому что мысли о том, что с Лорен могло что-то случиться, перекрыли мысли о еде. Мне плюхнули на тарелку маленькую котлетку с гречкой, и я решила поскорее закончить с обедом, чтобы разыскать подругу. Ища свободное место, я слышала, что за столиками переговариваются о предстоящем вечернем событии, как будто это главное событие года. Сев за стол, я увидела двух девушек в паре метров от меня. Я стала рассматривать, что так привлекло их внимание, и разглядела того новенького парня, плотно зажатого двумя одноклассницами. Он пытался пообедать, но каждая девушка вокруг него, перебивая другую, что-то оживлённо ему говорила. До меня доносились обрывки громких фраз, и стоило догадаться, что они обсуждали с ним предстоящую стычку с Флойдом. Девушки буквально наседали на парня, и одна даже потрепала его по волосам, но парень мягко убрал её руку. Он был спокойный и холодный, показывая всем своим видом, что его не интересует их компания, но девушки этого не замечали. Сам Флойд тоже уже был в столовой, но вот такой толпы фанатов у него не было, поэтому он зло сверлил взглядом своего оппонента.

Я давилась сухой гречкой и думала, что надо подойти к этому парню и поблагодарить за спасение. Но добиваться внимания в обход фанаток у меня не было шансов. Я завернула маленькую котлетку в салфетку и ушла, оставив гул сто-

ловой позادي.

Зайдя в комнату, я обнаружила свою соседку на кровати, завернутую в одеяло.

— Я принесла тебе котлету из столовой, — я старалась говорить как можно более весело, чтобы подбодрить подругу.

— Я не хочу, — буркнула она.

Я села на кровать рядом с девушкой и продемонстрировала ей обещанную котлету:

— Может, попробуешь кусочек?

— Я не хочу! Моя жизнь закончена, — повысила голос Лорен и ещё больше закуталась в одеяло. Я плохо понимала, как в такой непростой ситуации подбодрить человека, поэтому взяла паузу.

— А ты уже слышала, что новенький сегодня побьёт Флойда после отбоя? — решила я заинтриговать Лорен.

— Что? — Лорен оживилась и удивлённо высунула голову из своего кокона.

Я рассказала подруге всё, что она пропустила за день. Лорен смотрела на меня глазами, полными надежды. Вечером может восторжествовать справедливость.

— Эрика, мы должны пойти! — воскликнула Лорен. — Новенький из-за нас впутался в неприятности.

Конечно, после всего, что случилось утром, нам придётся пойти вечером смотреть драку. Тут уже не идёт речь о том, как мы ускользнем на улицу после отбоя. Если новенького побьют, то вина за это будет на мне. Флойд выглядел очень

сильным, и неизвестно, какой подлый приём он может выкинуть. Чтобы отогнать плохие мысли, я достала из рюкзака очки и отдала соседке, смущаясь, что стекло в оправе треснуто.

Мы лежали с Лорен в кроватях и притворялись, что готовимся к отбою. Строгая женщина, которая встретила меня вчера, зашла к нам в комнату, быстро обвела нас взглядом, строго сказала слово «отбой» и закрыла дверь. Теперь осталось только дожидаться, когда она обойдёт всех, и можно выдвигаться. Лорен сказала, что знала, как улизнуть через задний выход, так что проблемой выбраться из школы не было. Я надела толстовку, боясь замёрзнуть на вечернем прохладном воздухе, и приготовилась идти. Живот неприятно скручивало от волнения, как будто я ответственна за всё, что случится этим вечером.

Мы выждали ещё десять минут, соседка скомандовала: «Пора», и мы вышли в коридор. Пока мы шли, я постоянно оборачивалась, чувствуя себя преступницей, да и Лорен была напряжена не меньше. Мы дошли до пожарного выхода, в котором торчал ключ, открыли дверь и вышли. На улице был сырой прохладный воздух. Мы, как два вора, стали прокрадываться в темноте к назначенному месту, боясь, что нас застукают. Отойдя подальше от здания, мы дошли до фонаря, где уже стояли две одноклассницы, которые наседали на новенького в столовой. Они обвели нас надменным взглядом и

резко перестали говорить. Мы встали подальше от них, разговаривать с ними никакого желания не было. В этом классе никто не посчитал поступок Флойда из ряда вон выходящим, кроме меня. Значит, они нам не друзья.

Медленно к фонарю по одному-два человека подходили старшеклассники, из параллельного класса тоже пришли посмотреть. Время шло, никто не спешил. Главных участников представления всё ещё не было. Я скрестила руки на груди, вечер был прохладный, и я не думала, что придётся стоять на улице так долго. Наконец-то показался Флойд со своими двумя друзьями. Все вокруг оживились, стали приветствовать его, хлопать по плечу и давать напутствия.

— Да этот новенький трусил просто! — ухмыльнулся Флойд. Новенького и правда ещё не было, и у меня появилась надежда, что никакой драки не будет.

Все стояли под фонарём и общались. Флойд демонстрировал свои кулаки и красочно рассказывал, как он выбьет всю дурь из «этого говнюка». Прошло уже сорок минут, я замёрзла и постоянно поглядывала в ту сторону, откуда приходили люди. Я ждала, что все ребята наконец-то передумают и разойдутся, не дождавшись этого парня. Но вдалеке я увидела ещё одного ученика. Мои ожидания не оправдались: к нам подходил второй участник предстоящей драки. Парень выглядел спокойным и уверенно шёл к нам. Он, как и все, переоделся из школьной формы: чёрные джинсы, белая футболка и тёмно-синяя толстовка на молнии. Даже такая про-

стая одежда ему очень шла. Завидев его, все оживились и стали махать ему руками, показывая, что ему к нам. Флойд вышел вперёд из толпы и поспешил поприветствовать:

— Я уже думал, что ты струсил! — Флойд был довольный и улыбался, все ему пророчили лёгкую победу.

— Если можно, то давай побыстрее закончим, у меня дела, — парень поравнялся с жирдяем, и все разом затихли. От страха я затаила дыхание. Флойд был уверен в своей победе, и это убивало мою надежду на то, что новичок останется цел.

— Какие у тебя дела, писать мамочке, чтобы забрала тебя отсюда? — подначивал Флойд, и по толпе пошли смешки. Однако новенький парень в лице не поменялся. Он выглядел абсолютно спокойным и даже... скупающим?

— Я тебя выживу отсюда, уж поверь, — продолжил Флойд уже серьёзно и стал подходить к парню ближе. Ещё секунда, и он замахнулся кулаком, на мгновение я подумала, что вот оно, случилось. Но парень резко увернулся, одним ловким движением зашёл за спину жирдяя и со всей силой пнул его ногой в спину. Флойд упал лицом в мокрую землю и по инерции проскользил по траве лицом. Толпа загудела. Кто-то кричал, чтобы Флойд поднимался и навалил противнику, кто-то кричал, что это нечестно. Новичок же просто стоял и ждал, когда Флойд поднимется. Жирдяй оскалился и, медленно поднимая свою тушу в вертикальное положение, вытирал грязь с лица. Он сунул руку в карман толстовки, которая тоже была вся испачкана.

— Ты за это ответишь, — процедил сквозь зубы бугай и кинулся опять в драку. Все замерли. Он выдернул кулак из кармана, и на пальцах что-то сверкнуло. Новичок схватил его руку, которой Флойд целился прямо в лицо, заломал её и уронил жирдяя обратно в грязь, навалившись коленом на его спину. Флойд ойкнул от боли, разжал кулак и сморщился, но двигаться он больше не мог. Он сделал пару попыток вырваться, но новенький крепко держал его.

— Значит, решил поиграть нечестно? — новичок стянул с пальцев Флойда большой кастет и бросил на землю. Флойд в безуспешных попытках вырваться зашипел. — Ладно, давай по твоим правилам, — произнес новенький и схватил пухлые пальцы противника.

Флойд закричал от боли. Этот крик был такой пронзительный, что я испугалась и оцепенела.

— Ещё раз увижу, что ты пристаёшь к кому-то, — следующей будет твоя рука, — спокойно сказал новенький, отпустил жирдяя и выпрямился. Но Флойд не собирался вставать. Он продолжал кричать от боли, в свете фонаря его глаза заблестели от слёз. Задышавшись, жирдяй крикнул: «Он сломал мне пальцы!». Дружки Флойда подбежали к нему и стали помогать подняться. Остальные стояли с испуганными лицами и перешептывались. Новенький же просто пошёл в сторону здания, такой же лёгкой походкой, как пришёл, и никто не стал его догонять и поздравлять с победой. Или обвинять, что он покалечил Флойда. Все растерянно мялись, по-

нимая, что произошло что-то очень плохое. Кто-то сказал, что Флойда надо вести к медсестре, кто-то сказал, что нельзя, начались споры. Я провожала взглядом уходящего парня, не веря, что он справился с бугаем так просто. Страх за ситуацию сменился чувством восторжествовавшей справедливости, этот задира получил по заслугам. Флloyd скулил и держался за запястье. Мне было ничуть его не жалко. Кому-то надо было его проучить, пусть и таким радикальным способом. Страшно представить, что Флloyd мог сделать кастетом, о чем он вообще думал?

Пыхтящего Флойда повели к зданию, и все вереницей стали уходить.

— Лорен, ты как? — спросила я подругу.

— Это очень жестоко, но... — замялась девушка, посмотрев на меня сквозь треснувшие очки, — кому-то надо было это сделать.

Глава 4

Лорен уже спала. Все ученики разошлись по своим комнатам так тихо, что я не слышала, чтобы кто-то попался. Флloyd увели отмыкаться от грязи, но я не знаю, планировал ли он потом идти к медсестре. Он корчил лицо всю дорогу, изображая великомученика, как будто не собирался сам разбить лицо того новенького. А этот новенький умеет драться, может, он занимался единоборствами? Так легко проучил Флойда, и заступился за меня утром, а я до сих пор не успела сказать

спасибо. Я даже не знаю его имени.

Я лежала в кровати и размышляла обо всём, что случилось за день. Казалось, что с приездом в интернат у меня событий произошло больше, чем за последний год. Я думала о будущем, как Флойд поведёт себя дальше, отстанет или будет мстить. Как дальше буду жить в интернате. Продумывала текст письма, который напишу отцу. Мысли крутились в голове, а время шло.

Утром меня разбудил стук в дверь. Спросонья я пыталась сообразить, кому это вздумалось пожаловать в такую рань. На секунду мелькнула паническая мысль: а вдруг та злая женщина-комендант уже прознала про вчерашнее и явилась вышвырнуть меня из общежития прямо сейчас?

Но Лорен оказалась проворнее, подскочила и открыла дверь сама. В комнату тут же ворвалась незнакомая девушка и торопливо притворила за собой створку.

— Лорен, я всё разузнала! — затараторила она, нервно расхаживая туда-сюда и то и дело зачёрсывая пальцами назад свои светлые волосы.

— Ну и что там? — в голосе Лорен послышались тревога и нетерпение.

Тут гостья наконец заметила меня, замерла и уставилась так, будто совершенно не ожидала увидеть в комнате кого-то ещё.

— Ты же Эрика? — спросила она, а затем её лицо озари-

лось узнаванием. — Я Астрид, из параллельного класса. Ты та самая, которая подставила подножку жирному?

Казалось, она напрочь забыла, зачем вообще ворвалась, всё её внимание мгновенно переключилось на меня.

Имя: Астрид

Фамилия: Прескотт

Возраст: 17

Рост: 163 см

Цвет волос: блонд

Цвет глаз: голубой

Дата рождения: 10.04.2009

Род деятельности: ученица школы имени Барри Бахмана

— Да, очень приятно, — процедила я сквозь зубы, стараясь сохранить лицо.

Астрид тут же переключилась обратно на Лорен, будто я перестала для неё существовать:

— Флойда ночью увезли в больницу. Со сломанными пальцами. — Голос Астрид упал до заговорщицкого шёпота, словно стены общежития имели уши. — Никто не знает, когда он вернётся. Но он уже пообещал своим друзьям, что отомстит тем двум курицам.

Она осеклась и слегка покраснела, только сейчас осознав, кого только что назвала «курицами».

— Нам? — возмутилась я, вмешиваясь в разговор. Меня захлестнула злость. Мало того что этого парня уже постави-

ли на место кулаками, так ещё он и мстить собрался! И не тому, кто выбил из него всю дурь, а нам, девчонкам. Конечно, куда ему лезть в драку с парнем, если он боится за уцелевшие пальцы? Надо же выбрать самую лёгкую мишень.

— Ну и пусть мстит, — фыркнула я с показным безразличием. — Нечего бояться какого-то недоумка.

Но Лорен моего спокойствия не разделяла. Соседка сидела с поникшими плечами, и было видно, что она по-настоящему напугана.

— И что нам теперь делать? — голос Лорен дрогнул.

— Понятия не имею. Но если что — я вам ничего не говорила. Я не хочу в последний год попасть под раздачу, — Астрид тоже подхватила общее напряжение. — Не надо было вам связываться с Флойдом.

Она в упор посмотрела на меня, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на обвинение.

— Я в этом не участвую, простите.

Девушка на мгновение замерла, прислушалась к коридору, а затем бесшумно выскользнула за дверь, прикрыв её за собой.

Лорен без сил осела на кровать. На подруге не было лица.

— Это всё из-за тебя! — вдруг выпалила соседка, и в голосе её послышалась истерика. — Если бы ты не заставила меня тогда уйти из столовой, ничего бы не случилось! Ты хоть знаешь, кто такой Флойд? Его отец — богатая шишка, он спонсирует школу. Ему всё сходит с рук, понимаешь?

Всё! А меня могут выпереть, и моё портфолио для колледжа будет испорчено!

Из глаз Лорен брызнули слёзы.

— Лорен, не надо так бояться какого-то придурка, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал мягко и убедительно. — Наоборот, это не закончится, пока ты будешь у него на побегушках. Я помогу тебе, мы справимся с ним вместе.

— Всё, хватит! Уже помогла! — выкрикнула соседка и, вскочив с кровати, принялась нервно переодеваться в форму.

Я молчала. Я хотела помочь ей дать отпор местному хулигану, а в итоге сделала только хуже. Теперь моя новая подруга боится за своё место в школе и винит в этом меня.

Я смотрела, как Лорен нервно переодевается и торопливо приглаживает волосы, но боялась вставить хоть слово. Сейчас она на взводе, она меня не услышит. Когда соседка с грохотом вышла, хлопнув дверью, я осталась одна в гулкой тишине.

Вот и начался мой новый учебный год в новой школе. Я здесь и недели не пробыла, а уже собрала охапку проблем. Молодец, Эрика, отлично ты влилась в коллектив. И теперь это терпеть целый год.

Первая половина дня прошла в одиночестве. Не в гордом, а в том, которое гнетёт и давит, когда ты понимаешь, что тебя просто не замечают. На уроках никто не обращал на меня внимания, Лорен демонстративно игнорировала, и един-

ственным моим спасением была хитрость: я незаметно следовала за одноклассниками, чтобы не потеряться в коридорах и найти нужный кабинет.

Я попыталась заговорить с двумя девушками за соседней партой. Они окинули меня таким взглядом, будто я пришла не в класс, а на их территорию, и даже не удостоили ответом. Слухи работали быстрее школьного звонка: Флойд, по словам всех, собирался выжить меня из школы уже через неделю. Об этом шептались на каждой перемене, и Астрид могла бы не утруждаться утренним докладом: новости и так летели по коридорам быстрее меня.

Флойд сегодня так и не появился, и все спорили, сколько дней он проведёт в больнице. Но я заметила другое: того самого парня, который отправил его туда, я тоже не видела. Я задумалась: неужели его исключили за драку? Вряд ли, тогда об этом судачили бы громче, чем о моём скором изгнании.

Обед стал продолжением моего одиночества. За мой стол никто не садился, словно я была заразной. Я решила попытаться счастья с Лорен, подседа к ней с подносом, но она даже не подняла глаз. Молча взяла свои вещи и пересела к другим, оставив меня сидеть с остывающей едой. Я сидела одна и размышляла, как вернуть дружбу с соседкой, чтобы каждый день в тесной комнате не стал для нас обоих кошмаром. Кроме всего прочего, меня не отпускала мысль о письмах. Нужно было раздобыть два конверта, для Андреа и для отца, и оба послания имели для меня одинаковый вес. С одной

стороны, хотелось выплеснуть на бумагу всё, что накипело, с другой я боялась, что они не поймут или, что хуже, просто не ответят.

Доев скудный обед, я забрала сумку и решила отправиться в библиотеку. Мне нужно было хоть чем-то занять голову, чтобы не сойти с ума от мыслей. К тому же книги умеют молчать, когда тебе это нужно. Это лучшее общество, чем те, кто меня окружает. За два дня я начала потихоньку ориентироваться в школе. Я уверенно двинулась к ближайшей лестнице, но, как и следовало ожидать, дважды свернула не туда и потеряла немного времени. Однако в итоге дверь библиотеки оказалась передо мной, и я шагнула внутрь, надеясь найти покой хотя бы среди стеллажей.

Дверь в библиотеку была приоткрыта, но внутри царил странная пустота. Ни учеников за столами, ни библиотекаря за стойкой, будто всё вымерло. Я постояла на пороге, прислушиваясь, ожидая, что кто-то появится из-за стеллажей. Но тишина была полной, даже часы не тикали. Тогда я опустила сумку у входа и медленно двинулась между рядами. Книги стояли плотно, корешки тянулись к потолку, и я скользила пальцами по их тёплым переплётam, как слепая, пытающаяся прочесть мир на ощупь. На секунду мне показалось, что я здесь единственная живая душа, и это было странно успокаивающе.

Я углублялась всё дальше, переходя от одного стеллажа к другому, пока наконец не добралась до художественной

литературы. Здесь было то, что я искала. Многие книги я уже читала, другие казались знакомыми по обложкам, но я не останавливалась, шла вдоль рядов, вглядываясь в корешки, пока не посмотрела на верхние полки. Старые издания, пожелтевшие, с потёртыми переплётами, смотрели на меня сверху. Я подняла голову, медленноводя взглядом по рядам, пытаюсь угадать, какая книга сможет унести меня далеко от этой школы, от Флойда, от ссор и одиночества. И тут я увидела её — «Ласточка» Фредерика Уинтропа Эшфорда. Классика, которую я всегда хотела прочесть, но почему-то откладывала. Я потянулась, и в ту же секунду почувствовала себя полной дурой: книга была слишком высоко. Прыгать не имело смысла, я бы всё равно не достала. Я постояла, раздумывая, и решила, что другого выхода нет: поставила ногу на полку перед собой, подтянулась и встала на неё, пытаюсь удержать равновесие. Ухватившись за края полок, я выпрямилась, стараясь дышать ровно, чтобы не потерять равновесие. Осторожно потянулась к книге, кончики пальцев коснулись корешка. Я поддевала его миллиметр за миллиметром, медленно вытягивая том из плотного ряда. Наконец книга высунулась ровно настолько, чтобы можно было её схватить. Я сжала пальцы на корешке, но в ту же секунду мои казённые туфли на размер больше нужного скользнули по деревянной полке. Опора ушла из-под ног, и на мгновение я почувствовала невесомость, мир перевернулся перед глазами, и я полетела вниз, судорожно сжимая пальцами заветный том.

Я не знала, больно ли будет шлёпнуться на пол, и времени думать об этом уже не оставалось. Я зажмурилась, приготовившись к удару. Но падения не последовало. Вместо этого я зависла в воздухе, ощутив чьи-то тёплые руки, подхватившие меня в последний миг. Я почувствовала запах свежей мяты.

Я медленно приоткрыла глаза. Меня прижимали к груди. Руки, державшие меня, были крепкими и надёжными. Сердце колотилось где-то в горле. Я подняла голову и встретила взглядом с серыми глазами. Те самые глаза, которые я уже видела. Новенький, тот, что отправил Флойда в больницу, держал меня на руках. Я боялась пошевелиться, открыв рот, и несколько секунд просто смотрела на него, забыв, как дышать. Внутри всё перевернулось — растерянность, смущение и ещё что-то тёплое, что я не могла объяснить.

Он выдержал мой взгляд, а потом медленно, аккуратно опустил меня на ноги, словно боялся, что я упаду снова.

— Спасибо, — выдохнула я, чувствуя, как щёки заливают краской.

Он кивнул, но ничего не сказал. Его взгляд задержался на книге, которую я прижимала к груди, а потом снова вернулся к моему лицу. В нём промелькнуло что-то, может быть, интерес.

— Осторожнее, — наконец сказал он тихо. — Книги бывают опаснее, чем кажутся. — Его голос звучал мягко, с лёгкой хрипотцой, и в нём было что-то такое, от чего по спине

пробежали мурашки. Но я заставила себя моргнуть и кивнуть, как будто ничего не случилось.

— Я ещё не слышала, чтобы книги кого-то убили, — усмехнулась я, стараясь вернуть себе самообладание. — Всегда приятно быть в чём-то первой.

Он слегка приподнял бровь, и на губах мелькнула лёгкая улыбка.

— В первый раз всегда страшно, — сказал он с лёгкой усмешкой. — Но, говорят, привыкаешь. Значит, любишь классику? — Парень кивнул на книгу в моих руках.

— Обожаю, — ответила я, чувствуя, как смущение постепенно уступает место любопытству. — А ты?

— Я больше по документалистике. — Он едва заметно пожал плечами. — Классика слишком предсказуема.

И тут я поняла, что это первый раз, когда я заговорила с тем самым парнем, который спас меня от удара Флойда. Мне выпал шанс поблагодарить его.

— Я так и не сказала тебе спасибо, — начала я, чувствуя, как внутри поднимается волна благодарности. — За тот случай в классе. Я боялась, что у тебя будут неприятности после стычки с Флойдом.

— За меня тебе точно не стоит переживать, — сказал он, и его голос прозвучал так уверенно, что я невольно поверила. — Не за что, Ласточка. Поступить иначе было нельзя.

— Ласточка? — я удивлённо моргнула. — Меня зовут Эрика.

— Я знаю. — Он слегка наклонил голову. — Я Алекс. Будь аккуратна: уже только ленивый не подошёл ко мне рассказать, что этот тип собирается мстить.

Имя: Александр

Фамилия: Уоррен

Возраст: 20

Рост: 185 см

Цвет волос: чёрный

Цвет глаз: серый

Дата рождения: неизвестно

Род деятельности: неизвестно

— Ну и пусть мстит, — я вскинула подбородок, чувствуя, как внутри закипает злость. — Меня это не волнует.

— Как скажешь. — Он слегка склонил голову, и в его глазах мелькнула тёплая искорка. — Но просто будь настороже, ладно? Было приятно поболтать, Ласточка. Только в следующий раз, когда захочешь достать книгу, просто позови меня. Скалолазание — не твой вид спорта.

Он чуть заметно улыбнулся, и я на мгновение забыла, как дышать. В этой улыбке было что-то, от чего внутри разливалось странное тепло, даже несмотря на его насмешку. Он кивнул и, не оборачиваясь, ушёл вглубь библиотеки, а я осталась стоять, чувствуя себя глупо и приятно одновременно. Я только сейчас осознала, как нелепо выгляжу в этой форме большого размера, и щёки залились краской. Надо раздобыть конверты для писем сегодня же.

Прижимая «Ласточку» к груди, я направилась к выходу. Библиотекарь так и не появилась за всё это время, поэтому я решила, что имею полное право забрать книгу с собой, а зарегистрировать позже, когда она наконец соизволит вернуться на своё место.

Я толкнула дверь и уже собиралась сунуть книгу в сумку, как вдруг замерла. Сумка исчезла.

Алекс

Я так и не нашёл чертежи школы. В описании задания чётко указано, что под зданием есть сеть потайных ходов, и Кайл наверняка воспользуется ими, чтобы осуществить задуманное. Но даже без карты я обязан помешать ему. В идеале меня должны были устроить сюда учителем или хотя бы уборщиком, чтобы я мог свободно перемещаться. Но мы так спешили, что пришлось согласиться на роль ученика. И это в последний раз, когда я выезжаю на задание под прикрытием школьника! Каждую минуту я рискую, что меня застукают вне урока. А если меня выпрут или посадят под наблюдение — операция провалится. А этого я допустить не могу.

Я выдохнул, потёр переносицу и направился к выходу из библиотеки. На пороге я застал эту девушку, она не ушла, а стояла посреди коридора, растерянно озираясь по сторонам и переступая с ноги на ногу, будто не знала, куда ей идти. Я остановился. Её волосы струились по спине, густые, длинные. Они спадали почти ниже талии, и на свету отлива-

ли тёплым золотом. Я не видел таких волос с девятнадцатого века. Тогда женщины носили их распущенными. Это было естественно и красиво. Я замер на мгновение, залюбовавшись. Внутри шевельнулось что-то странное, желание протянуть руку, коснуться этих волос, почувствовать, мягкие ли они на ощупь, как шёлк или как пух?

Я одёрнул себя. Не время. Не место. И кто я вообще такой, чтобы трогать её волосы? Но взгляд всё равно тянулся к ним, цеплялся за каждое движение, за каждый завиток.

— Ты не видел мою сумку? — Эрика обратилась ко мне, и в её глазах читалось отчаяние, смешанное с надеждой.

— Нет, не видел, — ответил я спокойно, хотя внутри уже всё сложилось в картину. Слишком очевидно. Дружки Флойда уже успели подрезать её вещи. Наверняка это уже главное событие дня для скучающих учеников, которые только и ждут, чтобы позлорадствовать над новенькой.

— Я оставила её у входа, но, похоже, кто-то забрал, — проговорила она, и я заметил, как её пальцы нервно теребят край книги.

— Сейчас разберёмся, — сказал я и уверенно направился по коридору, не оглядываясь. Я услышал, как застучали её неуверенные шаги следом. Она догнала меня и пошла рядом, почти касаясь плечом.

— Ты знаешь, куда идти? — спросила она, и в голосе слышалась надежда.

— Знаю, — ответил я, хотя на самом деле просто шёл

по наитию. Но ей не обязательно знать все детали. Я просто ненавижу буллинг и не могу оставить это просто так.

Она замолчала, и какое-то время мы шли в тишине, лишь наши шаги отдавались эхом в пустом коридоре.

— А если её там нет? — спросила она наконец.

— Тогда будем искать дальше, — ответил я. — Я не привык сдаваться после первой неудачи.

Она улыбнулась, и я почувствовал, как эта улыбка согревает что-то внутри, хотя я и не должен был этого замечать. Как профессиональный спецагент, я должен сосредоточиться на задании.

Эрика

Мы дошли до женского туалета, и Алекс, не сбавляя шага, вошёл внутрь, словно не замечая таблички на двери. Я на мгновение замерла, но он уже скрылся за дверью. Его уверенность была заразительной, я шагнула следом.

Две девицы у раковинников ошеломлённо уставились на нас, но Алекс даже не посмотрел в их сторону. Он просто начал распахивать кабинки одну за другой, резко, деловито, будто делал это каждый день. Пусто. Пусто. Пусто.

Он вышел так же стремительно, как и вошёл, даже не взглянув на меня, и я едва успела за ним. Мы пошли по коридору, спустились по лестнице, вышли из здания. Я почти бежала, пытаясь поспеть за его широкими шагами, чувствуя, как ветер бьёт в лицо.

Мы обогнули школу и вышли к заднему двору. Алекс на-

правился прямо к мусорным бакам, стоящим у стены. Он открыл первый контейнер, заглянул внутрь, затем второй, третий. Я стояла рядом, чувствуя, как от его решительности внутри разливается странное спокойствие.

— Ты думаешь, она там? — спросила я, когда он открыл четвёртый контейнер.

— Если дружки Флойда хотели тебя унижить, они бы выбросили её туда, где её точно найдут, — ответил Алекс, не оборачиваясь. — Или где она будет выглядеть особенно жалко.

Алекс закончил проверять контейнеры, но поиски не увенчались успехом. Он выпрямился, окинул взглядом двор и нахмурился, явно обдумывая, куда двигаться дальше. Я уже почти смирилась с потерей, как вдруг мой взгляд упал на старую яблоню, что росла дальше у забора. И там, на самой высокой ветке, висело что-то красное. Моя сумка!

— Да они издеваются, — выдохнула я, указывая на неё.

Алекс поднял голову, проследил за моим взглядом и фыркнул.

— Умно. Не выбросили, не спрятали, а просто закинули. Чтобы ты видела, но не могла достать.

— Это же надо было додуматься! — я вскинула голову, разглядывая сумку, болтающуюся на ветке, словно трофеем.

— Любители театральности, — сказал Алекс с лёгким презрением. — Яблоня — символ познания. Наверное, хотел показать, что ты здесь ничего не знаешь и ничего не стоишь.

— Как трогательно, наверняка они как раз думали о философии, — фыркнула я.

Алекс пошёл к дереву, снимая на ходу пиджак. Я поспешила за ним.

Дойдя до яблони, он повесил пиджак на ветку, легко подпрыгнул, ухватился за нижнюю ветку, подтянулся и в мгновение ока оказался на высоте. Я смотрела снизу, чувствуя, как его ловкость завораживает. Через полминуты он уже спрыгнул на землю и протягивал мне сумку.

— Держи, Ласточка. Твой трофей.

Я взяла сумку и почувствовала, как внутри отлегло.

— Спасибо, — сказала я, чувствуя, как его уверенность согревает меня даже больше, чем солнце.

— Откуда ты знаешь, как лазить по деревьям? — спросила я, пытаюсь улыбнуться.

— Я много чего умею, — загадочно ответил парень, надевая пиджак. Алекс не стал ждать. Развернулся и направился к зданию, даже не взглянув на меня. Я сунула книгу в сумку и пошла следом, чувствуя, как на душе разливается тепло.

— Смотри в оба, — сказал он через плечо, не сбавляя шага. — Они так просто от тебя не отстанут.

— Я поняла, — ответила я, стараясь не отставать. — И знаешь... спасибо. За то, что не прошёл мимо.

Он чуть замедлил шаг, но не обернулся.

— Не за что, — сказал парень, бросив взгляд через плечо. Его глаза на мгновение встретились с моими, в них не было

тепла, только стальная серьёзность серых глаз. Так смотрят люди, которые привыкли оценивать обстановку и просчитывать риски. — Береги себя, Ласточка.

Глава 5

Лорен не было в комнате до самого отбоя. Я забила на уроки и весь оставшийся день читала книгу, растворяясь в каждой строчке. Приятно было забыть о самом факте, что меня отправили в интернат, что я нажила себе врагов, что впереди целый год в этом месте. Но мысль о конвертах не уходила. Я должна была написать отцу про форму, я должна была написать Андреа. Без них я чувствовала себя отрезанной от всего мира.

Дверь распахнулась, и вошла Лорен. Она скользнула по мне взглядом, затем демонстративно отвернулась и молча направилась к своему столу. Я оторвалась от чтения, чувствуя, как между нами висит тяжёлая тишина. Я хотела что-то сказать, извиниться, объяснить, хотя бы просто спросить, как прошёл день, но слова застревали в горле.

Не успела дверь за Лорен закрыться, как она снова распахнулась, и в комнату влетела Астрид. Её глаза горели, дыхание сбилось.

— Флойда привезли в школу! — выпалила она на одном дыхании.

Лорен замерла. Я видела, как её плечи напряглись, а пальцы вцепились в спинку стула, побелев на костяшках.

— Когда? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал уве-

ренно.

— Полчаса назад, — Астрид перевела дыхание. — Он уже в медпункте, но все говорят, что он выйдет завтра. И что он в бешенстве.

Лорен медленно обернулась. Её лицо было бледным, а в глазах плескался страх, который она не пыталась скрывать.

— Он знает, где наша комната, — сказала она тихо, почти шёпотом.

— Значит, мы будем готовы, — ответила я, чувствуя, как внутри закипает злость, смешанная с решимостью.

— Ни к чему мы не готовы! — истерично выпалила Лорен, и её голос сорвался на крик. — Мне придётся просить маму, чтобы перевела меня в другой интернат! Я не могу здесь оставаться, я не хочу здесь оставаться!

Она осела на пол, схватившись за голову, и из её груди вырвался глухой, отчаянный всхлип. Слёзы полились ручьём, а всхлипы были громкие, безнадёжные, такие, что у меня внутри всё перевернулось.

Мы с Астрид застыли, глядя друг на друга. Я не знала, что делать. Подойти? Обнять? Сказать, что всё будет хорошо? Но я не была уверена, что это поможет. Астрид выглядела не лучше, она прикусила губу и нервно теребила край рукава, словно искала слова, которые могли бы успокоить Лорен, но не находила их.

— Лорен, — наконец сказала я, встав с кровати. — Всё не так плохо. Мы справимся.

Но она даже не подняла головы. Только зарыдала громче, закрывая лицо ладонями.

Я опустилась на пол рядом с ней, чувствуя, что должна быть рядом, даже если не знаю, как помочь.

— Пойдём умоемся холодной водой, — тихо сказала я, поглаживая соседку по плечу. — Или лучше сразу в душ, вода всегда успокаивает. Флойду скоро надоест, он не будет вечно за нами охотиться. А пока не надо гробить свои нервы из-за какого-то придурка.

Лорен подняла на меня заплаканное лицо, и я увидела в её глазах надежду.

— Ты правда думаешь, что он отстанет? — спросила она, и голос её дрогнул.

— Я думаю, что он не привык, чтобы ему давали отпор, — ответила я. — А мы не собираемся сдаваться. Так что давай, вставай. Холодная вода творит чудеса.

Я протянула ей руку, и после секундного колебания она взяла её.

Астрид ушла, а мы, взяв полотенца и чистую одежду, направились в женскую душевую. В коридорах уже никого не было, тишина стояла такая, что было слышно, как гудит где-то вдалеке старая проводка. Весь день остался позади, и я с облегчением выдохнула.

Скинув вещи на лавочку, я зашла в кабинку, включила воду погорячее и закрыла глаза, позволяя горячим струям стекать по голове, по лицу, по волосам. Лорен в соседней ка-

бинке перестала плакать, я слышала, как она просто стояла под водой, и это было хорошим знаком. Моя хитрость с душем сработала. Вода смывала не только грязь, но и остатки этого тяжёлого дня.

Я стояла, чувствуя, как мысли утекают вместе с паром, и вдруг вспомнила его. Алекса. Красивого, сильного, уверенного. Того, кто достал мою сумку с яблони, кто смотрел на меня так серьёзно и сказал: «Береги себя, Ласточка». У такого парня наверняка есть девушка. Как может не быть? Красивый, смелый, загадочный, он, наверное, окружён вниманием. Я представила, как он обнимает кого-то другого, как улыбается другой, и внутри защемило странное чувство.

Почему-то при этой мысли стало грустно. Я открыла глаза и посмотрела на струи воды, пытаясь прогнать это чувство. Зачем мне думать о нём? Он просто помог. И всё.

Закончив мыться, я открыла кабинку и, отжимая мокрые волосы, шагнула к лавочке. И замерла. Лавочка была пустой. наших вещей и полотенце не было, словно их никогда и не существовало. Я моргнула, не веря своим глазам, но пустота не исчезала.

Да они издеваются! Кто-то пробрался в женскую душевую и украл нашу одежду? И в тот же миг до меня дошло: те, кто это подстроил, сейчас войдут. Они ждали этого момента. Я развернулась и быстрым движением юркнула обратно в кабинку, прикрыв дверь.

— Лорен, не выходи! — крикнула я, услышав, как соседка

выключила воду. — Наших вещей нет!

В ответ тишина. Затем шорох и приглушённый голос Лорен:

— Что?! Как нет?

Я приложила палец к губам, хотя она не могла меня видеть, и замерла, прислушиваясь к коридору.

Алекс

Душевые были последним местом, где могли находиться потайные ходы. Мужские я проверил ещё днём, всё чисто, ни одной подозрительной панели, ни одного люка. Оставались женские. Чтобы проверить их, мне пришлось ждать отбоя, когда коридоры опустеют и никто не задаст лишних вопросов.

Кайл мог появиться в любую ночь. А если он появится и воспользуется потайным ходом, который я не нашёл, всё будет кончено. Я должен был найти вход раньше него.

Я уже подходил к двери душевой, когда в голове всплыло предсказание. То самое, которое не давало мне покоя последние дни: «Ты должен забрать отсюда человека, который станет ключом к победе над Кайлом». Я не знал ни кто это, ни как он выглядит, ни даже какого он пола. Никаких подсказок. Ни внешности, ни имени. И это сводило меня с ума.

Я вышел из тени, когда увидел их: Флойд с двумя своими прихвостнями стояли у дверей женской душевой, они перебрасывались шутками и хихикали. В руках они держали одежду и полотенца, а наготове были мобильные телефоны с

включенными камерами. Не нужно было быть гением, чтобы понять: они не случайно перепутали душевые.

Я шагнул вперёд, и Флойд вздрогнул, услышав мои шаги.

— Потеряли что-то, парни? — спросил я, останавливаясь в нескольких шагах от них. — Или вы просто коллекционируете женские вещи по ночам?

Флойд сжал кулак на здоровой руке, и я видел, как он напрягся. Он помнил нашу последнюю встречу, и в качестве трофея проигравшего на его пальцах красовался гипс.

— Это тебя не касается, новенький, — зло процедил он.

— Касается, — ответил я, и мой голос стал холодным, как сталь. — Это моё дело, когда трое парней стоят у женской душевой с чужими вещами в руках.

Я шагнул ближе, и прихвостни Флойда попятились. Я не повышал голоса, не делал угрожающих жестов, я просто стоял и смотрел на них. Этого было достаточно.

— Оставьте вещи здесь, — сказал я спокойно. — И уходите. Пока я не перестал быть вежливым.

Флойд стиснул зубы, но его взгляд метался по сторонам, ища поддержки у дружков.

— Мы просто шутили, — бросил дружок Флойда.

— Шутите с кем-нибудь другим, — ответил я, глядя ему прямо в глаза. — В следующий раз я не буду таким добрым.

— Пошли, Флойд, — проямлил прихвостень, положив вещи на пол, и быстро двинулся прочь. Второй, не задерживаясь, потянулся следом, даже не взглянув на меня.

Флойд остался стоять. Его лицо исказилось от злости, а кулак сжался так, что побелели костяшки. Он смотрел на меня с такой ненавистью, что, казалось, воздух накалился.

— Ты ещё об этом пожалеешь, — процедил Флойд сквозь зубы и швырнул оставшиеся вещи на пол под мои ноги.

Он ушёл, не оглядываясь, но каждый его шаг выдавал ярость, которую он едва сдерживал.

Я задержался на мгновение, прислушиваясь. Тишина. Я зашёл внутрь. Похоже, сейчас я всё равно не смогу осмотреть душевую, там девушки, и они явно не захотят, чтобы я мог спокойно расхаживать по женской территории.

Я уже хотел просто оставить вещи на лавочке и уйти, как из кабинки раздался резкий, испуганный голос:

— Кто здесь?!

Я сразу узнал его. Её голос. Голос Эрики. В нём звучала злость, и я почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. С моего прибытия в интернат на задание я всё время встречаю эту девушку. Это не может быть просто так.

— Выдыхай, Ласточка, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно. — Они ушли. Я оставлю одежду на лавочке.

Я услышал, как она выдохнула с облегчением, почти с всхлипом.

— Алекс? — спросила она, и в голосе послышалось удивление.

— Я, — ответил я, аккуратно складывая вещи на скамей-

ку. — Всё в порядке. Они больше не вернутся.

Повисла пауза. Я слышал, как она дышит, как вода капает где-то в кабинке.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— Не за что, — ответил я. — Я уйду, и можете выходить.

— Эрика, я боюсь выходить, вдруг они вернутся, — раздался жалобный женский голос из другой кабинки. Этот голос дрожал, и я слышал, как она пытается справиться с паникой.

Снова тишина. Только вода капает где-то с труб.

— Алекс, можно тебя попросить? — голос Эрики звучал мягко, но в нём чувствовалась усталость. — Пожалуйста, подожди нас у входа? Лорен сейчас нервничает. Ей нужно знать, что кто-то рядом.

Я бесшумно вздохнул. Мне нужно было осмотреть душевую, найти вход в подземелье, но я понимал, что не могу сейчас этим заняться.

— Хорошо, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Я буду у входа. Можете не торопиться.

Я развернулся и направился к двери.

Я вышел в коридор и прислонился к стене, сложив руки на груди. Ночь была тихой. Я смотрел на дверь душевой и думал о том, что предсказание, возможно, уже начало сбываться.

Эрика

Алекс проводил нас с Лорен до комнаты и попрощался. Мне было ужасно неловко просить его об этом, но Лорен так

переживала, что я не знала, как ещё её успокоить. Когда мы остались одни, я заметила, что Лорен уже не злится на меня, она просто устала и напугана. Она рухнула на кровать и накрылась с головой одеялом, словно хотела спрятаться от всего мира.

Я села на край своей кровати и посмотрела на неё. Мысль, которая не давала мне покоя с самого душа, наконец вырвалась наружу.

— Лорен, я должна сказать тебе кое-что неприятное, — начала я медленно, подбирая слова. — О том, что мы пошли в душ, не знал никто, кроме Астрид.

Она замерла под одеялом. Тишина повисла в комнате, и я чувствовала, как она обдумывает мои слова.

— Ты хочешь сказать, что это она? — голос Лорен прозвучал глухо, из-под одеяла.

— Я не хочу в это верить, — сказала я честно. — Но факт остаётся фактом. Мы никому не говорили и никого по дороге не встретили. Только она знала.

Лорен медленно стянула одеяло с лица. Её глаза были красными, но в них уже не было слёз, только усталость и какая-то обречённость.

— Зачем ей это? — спросила она.

— Я не знаю, — ответила я. — Но мы должны это выяснить.

Выходные прошли на удивление спокойно.

В понедельник на первый урок Алекс пришёл в сопровождении строгой женщины-коменданта. Она дождалась, пока он сядет за парту, обвела класс долгим холодным взглядом, будто проверяла, все ли на месте, и только после этого удалилась. Тишина, повисшая в классе, говорила о том, что происходящее было необычным даже для интерната.

Но стоило учителю переступить порог и открыть рот для приветствия, как Алекс поднял руку, попросился выйти и больше на уроках не появлялся.

Я смотрела на его пустое место и не могла понять, как ему это удаётся. Он просто исчезал с занятий, будто их не существовало. И никто из учителей не задавал ему вопросов. Будто он имел на это какое-то невидимое право.

Я сидела и смотрела на дверь, в которую он вышел, и внутри разрасталось любопытство. Почему он может делать всё, что хочет? И почему меня это так волнует?

Флойд весь день сверлил нас с Лорен взглядом. Я чувствовала его тяжёлый взгляд на себе, даже когда сидела к нему спиной, он словно прожигал дыру в затылке. Но ничего не произошло. Ни одной подножки, ни одной колкости, ни одного «случайного» столкновения в коридоре. Это было почти страшнее, чем если бы он набросился на нас сразу. Я знала: он что-то задумал. Он выжидал.

Я демонстративно игнорировала его. Проходила мимо, как будто он был пустым местом, разговаривала с Лорен, смеялась, даже если внутри всё сжималось от напряжения.

Я не хотела, чтобы он видел, что я боюсь. Но Лорен была не такой сильной. Она то и дело косилась в его сторону, вздрагивала, когда он шевелился, и я видела, как её руки дрожат над тетрадью.

После уроков мы с Лорен направились в столовую. Опять без талонов, опять бесплатный паёк. Я так и не собралась написать отцу, всё думала, что сделаю это завтра, а завтра превращалось в послезавтра. И вот я стою в очереди с подносом, чувствуя, как желудок сводит от голода.

Я смотрела на скудную порцию: перловку с маленькой котлетой, кусочек хлеба и стакан компота, — и думала о том, что за эти дни точно похудела. Может, это и к лучшему? Но нет, я была ужасно голодна. Я не представляла, как другие ученики живут на этом целый год.

— Может, попросим добавки? — предложила я.

— Это бесплатный паёк, — вздохнула Лорен. — Тут нет добавок.

Мы взяли подносы и сели за столик. Я смотрела на свою порцию и думала о том, что когда-нибудь я буду вспоминать этот день и смеяться. Но сейчас было не до смеха.

Быстро доев свои порции, мы с Лорен убрали подносы и уже собрались уходить. И в этот момент в столовую вошёл Алекс. С ним была высокая блондинка. Она вилась вокруг него, заглядывала в глаза, смеялась, явно пытаясь привлечь внимание. Алекс выглядел хмурым, даже раздражённым, но девушка, казалось, этого не замечала. Он взял поднос, не

глядя на неё, но она всё равно оставалась рядом.

Я смотрела на них, и внутри защемило. Грусть, такая внезапная и острая, накрыла меня с головой. Почему-то мне стало обидно, хотя у меня не было на это причин. Мы даже не были знакомы по-настоящему. Всего несколько встреч, несколько фраз, прозвище «Ласточка», а я уже чувствовала, как кто-то другой занимает его внимание. Он казался таким далёким, и я вдруг поняла, что не знаю о нём ровным счётом ничего. Кто она? И почему его лицо такое хмурое?

Лорен окликнула меня, и я заставила себя отвернуться, чтобы уйти, не обернувшись.

В коридоре я увидела Астрид. Впервые с того момента, как она была у нас в комнате и якобы пыталась помочь. Я дёрнула Лорен за рукав, она проследила за моим взглядом и сразу всё поняла. Мы направились к девушке.

— Ничего не хочешь нам рассказать? — я скрестила руки на груди и смотрела на неё в упор. Голос мой звучал жёстко, даже резко, но я не собиралась смягчать тон. Она заслужила это.

— О чём? — Астрид попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой, а глаза заметались между мной и Лорен, словно искали пути к отступлению.

— О том, кто рассказал Флойду, что мы пошли в душ, — сказала я, не сводя с неё глаз. — О том, как он оказался у душевой с нашими вещами.

— Я... я не понимаю, о чём ты, — она нервно сглотнула,

и я заметила, как дрожат её пальцы. — Я же хотела помочь!
— Помочь? — я шагнула ближе. — Ты единственная, кто знал, куда мы идём. Так что либо ты скажешь правду сейчас, либо я решу, что ты заодно с Флойдом.

Астрид молчала, глядя в пол, и я чувствовала, как моё терпение на исходе. Она стояла перед нами, виноватая и растерянная, и я ждала, когда она наконец скажет правду.

— Я вам всё расскажу, — сказала она, поднимая глаза, и в них я увидела решимость. — Но не здесь. Подходите к восьми вечера в беседки за школой.

— Почему не сейчас? — я скрестила руки на груди.

— Я не могу сейчас, — она почти выкрикнула это. — Пожалуйста. Приходите вечером, и я обещаю, что расскажу всё, что знаю.

Она не стала ждать ответа. Развернулась и почти побежала по коридору, оставляя за собой только запах приторных духов и чувство недосказанности.

Мы с Лорен переглянулись. В её глазах читался страх, но я видела и любопытство, она тоже хотела знать правду.

— И что, мы пойдём? — спросила Лорен, и голос её прозвучал тише, чем обычно.

— Да, — ответила я, чувствуя, как внутри поднимается холодная решимость. — А что ещё остаётся? Я хочу её послушать.

Мы сидели с Лорен в комнате и занимались. Стычки с

Флойдом — это, конечно, очень интересно, но учёбу никто не отменял. Я читала учебник по истории, пытаюсь вникнуть в даты и события, но мысли то и дело ускользали. Лорен молча решала математику, и тишина в комнате была почти осязаемой. Время медленно приближалось к восьми.

— Эй, Лорен, — я отложила учебник и посмотрела на неё. — Пора выходить. Не забыла? Мы должны встретиться с Астрид.

Лорен опустила ручку на тетрадь и подняла на меня глаза. В них я увидела тот самый страх, который она пыталась спрятать.

— Я думаю, нам не стоит идти, — сказала она, и голос её дрогнул. — У меня плохое предчувствие.

— А я думаю, нам надо пойти и выбить из неё признание, — ответила я решительно, вставая и накидывая школьный пиджак.

— Эрика, не ходи, — Лорен почти умоляла, и я видела, как она сжимает пальцы в кулаки. — Чёрт с ней, с этой Астрид. Она нам ничего не должна. Мы не обязаны рисковать из-за неё.

Я остановилась у двери и посмотрела на неё.

— Ты не обязана идти, — сказала я мягко. — Но я должна. Мне нужно знать правду. Если я не пойду, я никогда себе этого не прощу.

Она молчала, глядя на меня. Я отвернулась и вышла из комнаты.

Я шла по пустым коридорам, и стук моих туфель раздавался гулким эхом, будто я была единственной живой душой в этом здании. Школа, днём такая шумная и многолюдная, ночью превращалась в лабиринт, полный теней и шорохов. Я почти бегом прошла последний поворот, толкнула тяжёлую дверь и шагнула в вечернюю прохладу. Вернее, в холод. Воздух был таким ледяным, что я на мгновение замерла, переводя дыхание. Начало сентября обычно бывало ещё тёплым, но сегодня ветер, казалось, пробрался прямиком из октября. Я поёжилась, кутаясь в тонкий школьный пиджак, и с сожалением вспомнила о тёплой куртке, оставленной в комнате.

Уже начинало темнеть. Небо над школой было серо-синим, почти чёрным, и только где-то на горизонте ещё тлела оранжевая полоска заката. Я пошла по дороге к заднему двору, огибая здание, и ветер раздувал мои волосы, бросая их в лицо. Я то и дело убирала пряди, но они всё равно лезли в глаза. Деревья вокруг шумели, сбрасывая первые жёлтые листья, и мне вдруг стало грустно оттого, что лето закончилось, а я так и не успела почувствовать себя счастливой. Вокруг было темно, тихо и неудобно, и я жалела, что вообще оказалась здесь, в частной школе с проживанием за пять часов к югу от моего дома и моей близкой подруги Андреа.

Я стала углубляться в задний двор, удаляясь от тёплого света школы, и каждый шаг отдавался в тишине. Вокруг было пусто и серо, только ветер шуршал листьями. Я искала глазами беседки и наконец увидела их — череду деревянных

строений, пустых и заброшенных. Они стояли рядком, и я почти чувствовала, как они наблюдают за мной.

Сердце билось быстрее, когда я приближалась. И в самой последней беседке я заметила фигуру. Женский силуэт. Астрид. Она стояла неподвижно, почти сливаясь с тенями, и я на мгновение замерла, всматриваясь. Она была здесь. Одна.

Я сделала ещё несколько шагов, и ветер донёс до меня её голос:

— А где Лорен?

— Лорен не придёт, зато пришла я, — сказала я, нахмурившись и скрестив руки на груди. — Не тяни. Чего ты хотела?

Астрид уставилась на меня, и её лицо вытянулось. Она выглядела растерянной, будто не ожидала, что я приду одна. Её взгляд заметался по сторонам, словно она искала кого-то ещё, и только потом остановился на мне.

— Ты одна? — переспросила она, и голос её дрогнул. — А Лорен...

— Лорен не пошла, — перебила я, чувствуя, как терпение начинает иссякать. — Говори. Мне не нравится здесь стоять на холоде.

Она опустила глаза, и в тишине я слышала, как ветер шуршит листьями.

Тут я заметила, как к нам быстро приближаются три мужские фигуры из тени соседней беседки. Флойд и два его дружка. Я их не заметила, когда шла: видимо, они прятались

за беседкой, ждали, как хищники в засаде. Меня обдало холодом, когда до меня дошло: это подстава. Она привела меня сюда не ради признания. А ради них.

— Прости, Эрика, — выпалила Астрид, и голос её дрожал от страха. Она даже не посмотрела на меня, развернулась и быстрым шагом направилась в сторону школы, пряча глаза.

— Астрид! — крикнула я, но она не обернулась.

Меня захлестнула злость, горячая и обжигающая. Я сжала кулаки, чувствуя, как пальцы впиваются в ладони. Она предала меня. Снова.

— Ах ты маленькая... — прошипела я, но договорить не успела.

Тяжёлые шаги Флойда и его дружков уже гремели совсем близко. Я медленно повернулась к ним.

— Что, без свидетелей решил разобраться? — Я вскинула подбородок, хотя сердце колотилось где-то в горле.

Флойд ухмыльнулся своей наглой, мерзкой улыбкой.

— Я говорил, что ты об этом пожалеешь, новенькая, — протянул он, сжимая здоровый кулак.

— У меня нет времени на ваши игры, — сказала я, глядя на них сверху вниз, хотя они были выше меня. Я вложила в свой взгляд столько презрения, сколько могла. — Мне ещё уроки делать.

Я сделала шаг в сторону, намереваясь просто уйти, но парни тут же перегородили мне путь. Флойд шагнул ближе, и я почувствовала его мерзкий запах — дешёвый одеколон и

табак.

— Зря твоя подружка не пришла, — протянул он, скалясь.
— Придётся тебе отдуваться за двоих.

Я остановилась, медленно перевела взгляд с его лица на его дружков и обратно. Внутри всё кипело, но я заставила себя холодно улыбнуться, почти насмешливо.

— Отдуваться? — переспросила я. — Ты серьёзно думаешь, что меня можно запугать тем, что вы втроём встали в круг? Вы даже поодиночке не страшны.

Флойд нахмурился, и я поняла, что задела его за живое.

— Ты слишком много о себе думаешь, — процедил он.

— А ты слишком мало, — ответила я, не отводя взгляда.

— Парни, действуем по плану, — прорычал Флойд, и его голос звенел от нетерпения. — Мне наскучили разговоры.

Дружки двинулись ко мне, и я инстинктивно отшатнулась, но была слишком медленной. Прежде чем я успела развернуться, чьи-то руки схватили меня за локти, крепко, больно, не давая пошевелиться. Они впились пальцами, словно хотели оставить синяки.

— Отпустите! — крикнула я, дёргаясь.

Но крик застрял в горле: чья-то ладонь с силой зажала мне рот, прижимая к лицу так сильно, что я почувствовала запах грязной кожи. Я забилась, пытаюсь вырваться, но они держали крепко. Внутри всё сжалось от страха.

Они потащили меня дальше от беседок, уводя от здания школы. С каждым шагом свет из окон становился всё туск-

лее, а тени — длиннее и гуще. Я упиралась ногами в землю, пыталась затормозить, но они просто перехватывали меня поудобнее и тащили дальше. Мои туфли оставляли борозды на сырой траве, но им было всё равно. Я дёргалась, извивалась, пыталась ударить одного из них ногой, но всё без толку. Они были слишком сильны, слишком уверены.

Хотелось кричать. Крик рвался из груди, но рот был плотно зажат чужой ладонью, и я чувствовала только горький привкус грязи и страха. Воздуха не хватало, лёгкие горели, но я продолжала бороться не потому, что верила в победу, а потому что не могла сдаться. Каждое моё движение встречало глухое сопротивление, а вокруг — только темнота, холодный ветер и их низкий, довольный смех.

Мы прошли мимо старых деревьев, мимо сарая, который я видела только из окна. Я понятия не имела, куда они меня тащили, но понимала одно: чем дальше мы уходили, тем меньше шансов, что кто-то нас заметит и вмешается.

Мы дошли до забора. Он был старым, ржавым, заросшим диким плющом и колючим кустарником, который цеплялся за мою одежду и кожу. Я почувствовала, как в груди разрастается ледяной ужас, когда поняла: это не просто прогулка. Они ведут меня за пределы школы. Там, за забором, начинался лес, густой, чёрный, без единого огонька, словно вход в другой мир, где не было ни правил, ни свидетелей.

Я увидела дыру в заборе, пролом, скрытый густыми ветвями, будто кто-то специально проделал его для таких ноч-

ных вылазок. Меня охватила паника, и я забилась в их руках с новой силой. Я впивалась ногтями в их руки, пыталась ударить ногой, вывернуться, но они только крепче сжимали мои локти, и я чувствовала, как их пальцы врезаются в кожу.

Первым через дыру пролез Флойд. Он оглянулся, ухмыльнулся и махнул рукой. Дружки потащили меня следом. Я упёрлась ногами в землю так сильно, что они вынуждены были ослабить хватку. На секунду ладонь, зажимавшая мне рот, ослабла, и я успела выкрикнуть:

— Помогите! Кто-нибудь!

Но крик утонул в шуме ветра и их смехе. Флойд выругался, шагнул ко мне и, не раздумывая, сорвал с шеи галстук, скрутил его в тугую жгут и грубо затолкал мне в рот. Ткань была грубой, на вкус горькой от пота и дешёвого одеколona. Кляп мгновенно перекрыл горло, и я захрипела, чувствуя, как слова застревают где-то внутри, превращаясь в бессильные стоны.

Дружки протолкнули меня в дыру. Я на мгновение зацепилась за острый край забора, и он оцарапал мне плечо, разорвал одежду, но меня быстро выдернули, и я оказалась по ту сторону. Вокруг был тёмный лес, живой, дышащий. Он смыкался вокруг нас, и я поняла, что с каждым шагом мы уходим всё глубже и глубже в его пасть.

Флойд с дружками включили фонарики на телефонах. Резкие белые лучи разрезали темноту, выхватывая из мрака корни, камни и мокрую листву. Закат уже догорал на го-

ризонте. Под плотными кронами леса стояла почти ночная темнота.

Они шли, переступая через ветки и корни, иногда чертыхаясь, когда кто-то спотыкался, но не замедляя шага. Меня же волокли так, что ноги почти не касались земли. Я пыталась сопротивляться, пыталась встать, упереться, но мои туфли бессильно скользили по сырой листве. Я чувствовала только, как земля убегает из-под ног. Каждый раз, когда я пыталась зацепиться за что-то, их хватка становилась крепче, и они просто поднимали меня выше, не давая мне даже малейшей опоры.

Воздуха катастрофически не хватало. Кляп стал влажным, тяжёлым, он заполнял мой рот и мешал дышать. Дыхание срывалось, в груди разрасталась жгучая боль, а перед глазами иногда темнело то ли от страха, то ли от нехватки кислорода. Я слышала своё сердце, которое билось где-то в ушах, и казалось, что оно вот-вот остановится.

Мы вышли к озеру. Оно лежало перед нами чёрное, гладкое, словно зеркало, в котором отражался только тёмный, беззвёздный небосвод. Через озеро пролегал старый деревянный мост, узкий, прогнивший, покрытый мхом. Меня потащили на мост, и я почувствовала, как холодная влага поднимается от воды, как запах тины и гнилого дерева заполняет лёгкие.

Мы остановились на середине моста. Он оказался длиннее, чем я думала, озеро под ним было широким и чёрным, а

вода казалась бездонной. Парни выключили фонарики, и на мгновение я почувствовала, как темнота смыкается вокруг нас. Но затем я заметила, что здесь, над водой, закат ещё не умер окончательно. Небо над озером было тёмно-багровым, почти фиолетовым, а отражения догорающего света скользили по поверхности воды, как рваные золотые ленты. Деревья расступились, и воздух стал легче, но холод от воды всё равно пронизывал до костей.

Флойд шагнул ко мне, его лицо было подсвечено последними отблесками заката, и в этом свете он выглядел почти демоническим. Его дружки всё ещё меня держали, скалясь и переглядываясь, предвкушая представление.

— Ну что, Куколка, — протянул он, наклоняясь ко мне почти вплотную, — просить прощения будешь? Или мне придётся тебя убедить?

Я смотрела на него с презрением, чувствуя, как злость поднимается из самой глубины, затапливая страх, вытесняя усталость. Я медленно, глубоко вдыхала носом, ловя холодный влажный воздух, и каждый вдох возвращал мне силы. Я смотрела на него с ненавистью, которую я даже не пыталась скрыть.

Флойд ухмыльнулся шире, словно моё молчание было для него лучшей наградой. Он подошёл ближе и с нарочитой медлительностью вынул кляп, грубо дёрнув, так что ткань ободрала уголки губ. Я сделала глубокий, шумный вдох, вдыхая холодный воздух, чувствуя, как лёгкие наполняются

жизнью. Он ждал, его глаза блеснули от предвкушения. И тогда я, глядя ему прямо в лицо, плюнула. Смачно, метко, с душой. Слюна попала прямо ему в глаз и стекла по щеке.

На мгновение повисла тишина. Я видела, как его лицо медленно перекосилось от злости.

— Ах ты, сука, — прошипел он, вытирая лицо рукавом, и в голосе его уже не было прежней насмешки. — Значит, не хочешь по-хорошему.

Флойд достал телефон, и я увидела, как на его лице загорелась зловещая улыбка. Он включил камеру, направил объектив на меня, и я почувствовала себя зверем в клетке, которого снимают для забавы. Он кивнул друзьям, и они рванули меня к перилам. Их руки впились в мои плечи, в локти, в талию, и я почувствовала, как меня поднимают, пытаюсь перевалить через холодные перила.

Но я упиралась. Я вцепилась в деревянные поручни, я царапала их ногтями, я кричала так громко, как только могла, но мой голос уносился в темноту леса, рассеиваясь над озером, не находя ни единого слушающего уха. Тишина вокруг была абсолютной, только всплески воды под мостом, только их дыхание и мой собственный хрип.

Флойд снимал, смеялся, комментировал что-то, но я не слышала слов, только звук его голоса, как жужжание назойливого насекомого. Я слышала, как вода плещется где-то внизу, как ветер гуляет над озером, как вдалеке скрипит дерево. И я поняла, что никто не придёт. Никто не услышит

меня здесь, в этой глуши, где даже звёзды закрыты тучами.

Первый парень попытался поднять меня, но я извернулась и вцепилась зубами в его руку, так сильно, что почувствовала привкус крови. Он заорал, выругался, отдёргнул руку, но его друг уже подхватил меня, а второй схватил за ноги. Меня подняли, перекинули через перила, и на мгновение я ощутила невесомость. Воздух свистел в ушах, волосы разметались в разные стороны, и я видела, как мост уходит вверх, а чёрная вода стремительно приближается.

Удар. Холод обрушился на меня, как стена. Вода сомкнулась над головой, и я провалилась в темноту, чувствуя, как лёгкие обжигает ледяная жидкость. Тишина стала абсолютной. Я слышала только своё сердце и пузырьки воздуха, которые поднимались к поверхности, как серебряные монеты, исчезающие во тьме.

Я погружалась всё глубже. Вода была чёрной, плотной, почти живой, она обнимала меня, сжимала, тянула вниз. Я чувствовала, как холод проникает сквозь одежду, как он сковывает мышцы, как форма становится тяжёлой, прилипает к телу, тянет вниз. Свет сверху казался нереальным, размытым, дрожащим, похожим на далёкую звезду, которая угасает с каждой секундой.

Я перестала бороться. На мгновение я просто повисла в воде, глядя вверх, на эту дрожащую светлую точку, и чувствовала, как вода касается моего лица, как она наполняет мои уши, мой нос, мой рот. Я видела свои руки, которые

медленно поднимались к поверхности, и понимала, что тону. Что я проваливаюсь в темноту, где нет ни звука, ни света, ни боли. Только я и эта бездонная глубина.

Алекс

Я закончил вечерний обход и наконец вернулся в комнату. Соседа не было: наверное, он снова ушёл есть чипсы к друзьям в соседнюю комнату. Это было даже к лучшему, меньше вопросов, меньше лишних глаз. Я опустил на кровать, достал из сумки под ней спутниковый телефон и набрал номер дома. Вернее, штаба, где я жил. Сигнал прошёл мгновенно, спутниковая связь работала исправно, даже в этой глуши. Но вместо Дэвида, главы нашего филиала, трубку схватила Ирис.

Этот надоедливый подросток.

— Алекс, ты совсем ополоумел? Я полдня не могу до тебя дозвониться! — её голос ворвался в динамик, пронзительный и требовательный, как звонок будильника. Я даже отодвинул телефон от уха.

Я вздохнул и потёр переносицу. Ирис была невыносима. Она вечно кричала, вечно требовала внимания, вечно вмешивалась не в свои дела. Но при этом в нашем филиале она занимала важнейшее место. Потому что у неё был дар предсказания. Она видела то, чего не видели другие, и именно поэтому мы её терпели.

— Ирис, — сказал я спокойно, стараясь не показывать раздражения. — Я на задании. У меня не было возможности

отвечать.

— У тебя всегда есть возможность! — парировала она. — Ты просто не хочешь со мной разговаривать!

— Ты права, — ответил я, и в голосе мелькнула лёгкая усмешка. — Не хочу. Но ты всё равно скажешь, что хотела от меня. Так что давай, выкладывай.

— Тебе срочно надо на озеро! — выпалила Ирис, и её голос стал резким, почти визгливым. — В предсказании говорилось, что там случится что-то плохое! Возможно, Кайл придёт именно с той стороны! Путь на озеро — через задний двор, за территорией школы и прямо!

Я замер, чувствуя, как внутри всё сжимается. Предсказания Ирис никогда не были пустыми словами. Если она говорила, что что-то должно случиться, значит, это произойдёт. И если она упомянула Кайла, то всё серьёзно.

— Ты уверена? — спросил я, хотя уже знал ответ. Она никогда не ошибалась в таких вещах.

— Я не знаю, что там будет, но тебе надо туда! — крикнула она, и в её голосе я услышал страх. — Алекс, живо!

Я уже вскакивал с кровати, натягивая пиджак.

— Я понял. Связь держи. Если что-то изменится — сразу звони.

Я выбежал из комнаты, не закрывая дверь, и побежал по коридору. Задний двор, за территорией школы, озеро. Я запомнил маршрут и молился, чтобы успеть раньше Кайла.

Забор мелькнул передо мной, но я не замедлился. Разбег,

прыжок, руки хватаются за верхнюю перекладину, и я уже по ту сторону, чувствуя, как земля принимает меня, как мокрые листья шуршат под ногами. Я перемахнул забор в два движения, даже не запыхавшись: тренировки не прошли даром.

Лес поглотил меня мгновенно. Здесь было темно, темнее, чем за пределами школы, и я почти ничего не видел, только тени, что мелькали между деревьев. Но я бежал, полагаясь на чутьё, на привычку, на тот внутренний компас, который никогда не подводил. Корни цеплялись за ноги, ветки хлестали по лицу, но я не сбавлял шага. Я слышал только своё дыхание и только глухой топот ног по сырой земле.

Только бы найти озеро. Ирис сказала «прямо», значит, я бежал в правильном направлении. Я прорывался сквозь чащу, чувствуя, как ветки цепляются за пиджак, как холодный воздух обжигает лёгкие. Где-то впереди блеснула вода — или мне показалось? Я ускорился, перепрыгивая через упавшее дерево, и побежал быстрее, молясь, чтобы успеть.

Я выбежал из леса, и озеро открылось передо мной, тёмное, безмолвное, как чёрное зеркало, в котором отражалось угасающее небо. Ирис не соврала. Оно действительно было здесь, холодное и глубокое, и от него тянуло сыростью и тишиной. Но я сразу понял, зачем я здесь. Предсказание не соврало: мне действительно надо было быть тут. Но не потому, что здесь был Кайл. Потому что на мосту, возвышающемся над тёмной водой, я увидел их. Трое парней, двое из которых держали девушку, пытаюсь перекинуть её через перила пря-

мо в чёрную воду. Я сразу узнал всех участников действия: Флойда, его дружков, а между ними — Эрику. Она отчаянно упиралась, кричала, но голос её тонул в шуме ветра.

Адреналин ударил в кровь, и я рванул вперёд. Ноги сами несли меня к мосту, и я слышал только их голоса. Но я не успел. Поздно. Они перебросили её через перила, и её тело мелькнуло в воздухе, на мгновение зависло над водой, а затем, как чёрная птица, рухнуло в озеро, оставляя после себя лишь тишину.

Я замер на мгновение, чувствуя, как ярость захлёстывает меня. И затем, не раздумывая, я бросился в воду. Холод ударил в лёгкие, и я погрузился в темноту, чувствуя, как вода смыкается надо мной, как она тянет меня вниз. Но я знал, что должен найти её. Должен спасти её.

Эрика

Я тонула. Холод сковал моё тело, проник в каждую клетку, в каждую кость, и я почти перестала чувствовать себя. Вода была чёрной, густой, как масло, и она обнимала меня, тянула вниз, лишала дыхания. Я пыталась двигаться, но мышцы не слушались, они были скованы ледяным напряжением. Свет над водой медленно угасал, и я смотрела на него, на это дрожащее пятно, которое становилось всё меньше и меньше. Неужели я умру вот так? Из-за каких-то придурков, которые даже не осознавали, что убивают человека? Для них это просто забава. Им будет смешно, когда они увидят, как я исчезаю под водой. Вот только видео им придётся удалить: после

моей смерти оно станет уликой. Я представила, как они будут стоять на мосту и смотреть, как пузырьки воздуха перестают подниматься, как вода становится спокойной. Они испугаются. Но будет уже поздно.

В панике мне почему-то казалось, что, если перестану дёргаться, вода сама вытолкнет меня наверх. Я думала о Лорен, о том, как она будет меня искать. О том, как отец узнает, что я утонула в этом чёрном озере. И о том, что я так и не написала ему письмо.

А затем произошло что-то. Чьи-то руки обхватили мою талию, сильные, тёплые, живые. Я почувствовала, как меня разворачивают, как кто-то тянет меня вверх, пронзая толщу воды. Я открыла глаза. Передо мной было лицо, прекрасное, почти нереальное в этой чёрной пучине. Алекс. Его волосы разметались в воде, глаза горели решимостью, а губы были сжаты в тонкую линию. Он был похож на древнего бога, который спустился с небес, чтобы спасти меня от смерти. Я смотрела на него, чувствуя, как его руки сжимают меня, как он тянет меня к свету. И я позволила себе поверить, что всё будет хорошо. Что он спасёт меня.

Мы вынырнули из воды, и я жадно глотнула воздух, чувствуя, как лёгкие наполняются жизнью. Алекс держал меня в своих руках, прижимая к себе, и я чувствовала его дыхание на своей коже, его тепло, его силу. Он спас меня. В тот момент, когда я почти сдалась, он пришёл за мной. Но как он тут оказался?

— Я держу тебя, — сказал он, и голос его звучал хрипло, но уверенно. — Всё хорошо.

Я подняла голову и посмотрела на него. Вода струилась по его лицу, по волосам, которые прилипли ко лбу, и в темноте его глаза казались почти чёрными, но в них горел свет. Он был мокрым, серьёзным, но таким красивым, что у меня перехватило дыхание.

— Они... они ушли, — прошептала я, оглядываясь на пустой мост. Флойда и его дружков нигде не было. Они исчезли, оставив нас одних в этом холодном озере.

— Значит, испугались, — усмехнулся Алекс, но в его голосе не было насмешки — только сталь. — Пошли, надо выбираться.

Мы медленно поплыли к берегу. Алекс не отпускал меня, поддерживая, направляя, и я чувствовала себя в безопасности, как никогда раньше. Вода была тяжёлой, одежда тянула вниз, но он был рядом, и я знала, что не утону. Мы выбрались на берег, мокрые. Я дрожала от холода и рухнула на мокрую траву.

Алекс упал рядом, и я посмотрела на него. Он лежал на спине, глядя в небо, и его грудь вздымалась от дыхания. Вода стекала с его лица, с его рук, и в этот момент он был таким уязвимым, таким настоящим.

— Спасибо, — прошептала я. — Ты спас меня. Опять.

Он повернул голову и посмотрел на меня. В его глазах была не усталость, а что-то тёплое, что согревало меня лучше

любого огня.

— Не благодари, — сказал он тихо. — Я не мог позволить тебе умереть.

Алекс встал, и я увидела, как его лицо мгновенно изменилось. Только что он был тёплым, заботливым, а теперь передо мной стоял другой человек. Его челюсти сжались, глаза потемнели, стали почти чёрными, и в них застыл холодный, стальной блеск. Он выпрямился, и в каждом его движении чувствовалась напряжённая, сдерживаемая сила.

— Найду их, — сказал он, и голос его звучал низко и глухо, как дальний гром. — Им не жить.

Он сжал кулаки, и я видела, как побелели костяшки. Его взгляд был стальным, таким твёрдым, что казалось, он мог прожечь дыру в камне. В этом взгляде не было ни капли сомнения, ни капли страха. Только холодная, абсолютная решимость.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. В этот момент он был опасен. По-настоящему опасен.

— Алекс, — сказала я тихо, пытаясь достучаться до него. — Не надо. Они не стоят того.

Он посмотрел на меня, и на секунду его взгляд смягчился, но лишь на секунду.

— Они пытались тебя убить, — сказал он, и в голосе его было столько стали, что я вздрогнула. — Они не заслуживают милости.

Алекс протянул мне руку, не дожидаясь ответа, и я вло-

жила свою ладонь в его. Его пальцы были тёплыми, невероятно тёплыми по сравнению с ледяной водой, которая всё ещё стекала с моей одежды. Он помог мне подняться, и я почувствовала, как мои ноги дрожат от холода и усталости. Я сделала шаг и чуть не оступилась. Только тогда я заметила, что на мне только одна туфля. Вторая, видимо, осталась на дне озера.

— Идти можешь? — спросил Алекс, и его голос был мягким, почти шёпотом. Он всё ещё держал меня за руку, будто боялся, что я упаду обратно в воду.

— Да, — ответила я, чувствуя, как дрожь пробегает по телу. — Только очень холодно.

Я попыталась улыбнуться, но зубы стучали, и улыбка вышла жалкой. Алекс посмотрел на мою босую ногу, потом на моё лицо, и его взгляд стал ещё мягче.

— Держись за меня, — сказал он и, не отпуская моей руки, подошёл ближе, позволяя мне опереться на него.

В школу мы вошли незамеченными. Коридоры были пусты: только тусклый свет ламп и наша тишина. Алекс шёл уверенно, поддерживая меня, и я почти не чувствовала холода, только его руку на своей талии, только его дыхание рядом. Мы добрались до моей комнаты, и он постучал — коротко, требовательно. Дверь открылась почти мгновенно. Лорен стояла на пороге, и её лицо переменялось, когда она увидела нас: мокрых, дрожащих, бледных. Её глаза расширились, рот приоткрылся, и она уже собиралась что-то спро-

силь, но Алекс её опередил.

— Чистую одежду и полотенце, живо! — скомандовал он, и его голос был твёрдым, не терпящим возражений.

Лорен моргнула, переводя взгляд с меня на него, и, видимо, поняла, что сейчас вопросы неуместны. Она быстро кивнула и, не говоря ни слова, бросилась к моему чемодану, доставая полотенца и сухую одежду. Я стояла, прислонившись к косяку двери, чувствуя, как ноги подкашиваются, и смотрела на Алекса. Он был такой же мокрый, как и я, но его глаза горели решимостью. Он держал ситуацию под контролем.

Алекс проводил меня с Лорен до душевой. Он остановился у двери, пропуская нас вперёд, и задержал взгляд на мне. Я видела, как в его глазах промелькнула тревога, смешанная с чем-то более тёплым, с заботой, которая согревала меня сильнее любой горячей воды. Всё ещё мокрый, с прилипшими ко лбу волосами, он заботился обо мне, не уходил. Его взгляд был серьёзным и мягким одновременно.

— Постой подольше под горячей водой, — сказал он, и его голос прозвучал низко и настойчиво, почти как приказ. — Тебе надо согреться.

Я кивнула, чувствуя, как его слова оседают в груди теплом. Я хотела поблагодарить его, сказать что-то важное, но слова застревали в горле. Он будто понял это без слов, слегка коснулся моей руки, коротко и бережно, и отошёл на шаг назад.

Я зашла в душевую, чувствуя на коже его взгляд, и знала,

что он уйдёт, только когда убедится, что я в безопасности.

Я стояла под струями горячей воды, чувствуя, как тепло постепенно возвращается к моему телу, прогоняя холод, который, казалось, вьелся в самые кости. Пар поднимался вверх, окутывая меня облаком, и я закрыла глаза, позволяя мыслям течь свободно. И они сразу же обратились к нему. К Алексу.

Что-то было в этом парне притягательное. Не просто внешность, хотя отрицать, что он красив, было глупо. Но дело было не только в этом. Он не был похож на остальных подростков, с которыми я сталкивалась в этой школе. В нём чувствовалась какая-то взрослая серьёзность, уверенность, которую невозможно сыграть. Он двигался, говорил, смотрел так, будто видел мир иначе, чем мы все. Он как будто уже был взрослым. Как будто прожил больше, чем другие, и нёс в себе какой-то груз, который никто из нас не мог понять.

Как он попал сюда? И почему прогуливает уроки? Эти вопросы крутились в моей голове, но ответов на них не было. Он был манящей загадкой. И я вдруг поняла, что хочу разгадать её. Хочу узнать, кто он на самом деле.

С этими мыслями я выключила воду и вышла из кабинки, чувствуя, как горячий пар окутывает меня, а кожа ещё долго хранит тепло. Лорен стояла у входа и, как только я появилась, буквально накинута на меня с вопросами: где я была, что случилось, почему я мокрая, почему без одной туфли? Пришлось вкратце рассказать, быстро, скупно, стара-

ясь не вдаваться в детали, чтобы не пугать её ещё больше. Сказать, что она была в шоке, — ничего не сказать. Лорен побледнела, прижала ладонь ко рту и несколько раз переспросила: «Они правда тебя скинули в озеро?» Я кивнула и добавила, что Алекс спас меня. Она замерла, а потом выдохнула с облегчением.

Я вытерлась и переоделась в сухое, чувствуя, как чистая одежда приятно касается кожи, согревая окончательно. Но когда я посмотрела на свою старую одежду, сердце сжалось. Форма была порвана, пиджак разорван на плече, блузка порвана, а от одной туфли остались только воспоминания.

— Надеюсь, завтра никто не удивится, что я пойду на уроки в кроссовках, — сказала я, пытаюсь улыбнуться.

Лорен ничего не ответила, только покачала головой, всё ещё переваривая услышанное.

А я поняла, что больше не могу откладывать. Мне надо написать отцу. Написать про форму, про талоны на питание, про всё, что я так долго не решалась сказать. Может, он переменит решение и переведёт меня в мою старую школу?

Мы вышли из душевой, и я сразу увидела его. Алекс стоял у стены, прислонившись к ней плечом, и ждал нас. Он уже переоделся в сухое, тёмные джинсы, белая футболка, чуть влажные волосы, которые он небрежно откинул назад. В руках у него была серая аптечка с красным крестом. Он держал её так, будто делал это сотни раз, будто носить с собой аптечку было для него обычным делом. Его взгляд был се-

рьёзным, он сразу оценил моё состояние, заметил, что я всё ещё бледна, что губы чуть дрожат.

— Пошли, — сказал он коротко, и в его голосе было столько твёрдой уверенности, что я даже не подумала спорить. Он развернулся и направился по коридору, не оглядываясь, но я знала: он ждал, что мы пойдём за ним.

Мы пришли в нашу с Лорен комнату. Алекс закрыл за нами дверь и, не говоря ни слова, скомандовал как заправский командир, чтобы я села на кровать. Я не могла не подчиниться: в его голосе было столько уверенности, что любое возражение казалось бессмысленным. Я опустилась на край кровати, чувствуя, как тело всё ещё дрожит от пережитого, и он тут же сел рядом. Не спрашивая, не объясняя, просто взял мою руку и аккуратно поднял рукав футболки. Я удивилась, что он заметил этот порез. После душа рана саднила, и я почти забыла о ней, но он помнил.

Алекс, как будто у него за плечами было медицинское образование, достал из аптечки стерильные салфетки и перекись. Его движения были спокойными, уверенными, без лишней спешки. Он осторожно начал протирать рану, и я дёрнулась, сморщив лицо от боли. Щипало невыносимо, но я не хотела показывать слабость. Я сжала зубы и терпела, стараясь не издать ни звука. Он заметил это. Его взгляд на мгновение встретился с моим, и в нём я увидела нежность, от которой у меня перехватило дыхание. Он замедлил движения, стал ещё аккуратнее, будто боялся причинить мне боль. Его

пальцы касались моей кожи так бережно, что я почти забыла, что это просто обработка раны. Это было что-то большее. Забота. Тепло. Присутствие.

— Терпи, — сказал он тихо, но в голосе его звучала мягкость, которая согревала лучше любой повязки. — Почти готово.

Он обработал рану зелёной, и я почувствовала, как она обжигает, но терпимо.

— Швы накладывать не надо, — сказал он так уверенно, будто за его плечами годы медицинской практики. Его пальцы двигались точно и мягко, когда он нежно и аккуратно перебинтовывал мою руку, закрепляя бинт. И я почувствовала, как боль постепенно отступает, словно уходя вместе с его прикосновениями.

Он закончил, убрал всё обратно в аптечку и уже собрался уходить, как вдруг я не выдержала.

— Откуда у тебя аптечка? — спросила я, глядя на его спину.

Он обернулся, и в уголках его губ мелькнула лёгкая усмешка.

— Украл из медпункта, — сказал он так спокойно, будто грабил школьный медкабинет каждую неделю.

Я хотела рассмеяться, но не могла, слишком много вопросов кружилось в голове. Он уже направился к двери, когда я решилась на последний.

— Как ты оказался на этом озере? — спросила я, и голос

мой звучал тише, чем хотелось. — Никто не видел, что парни потащили меня туда.

Алекс остановился, медленно повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза. Его взгляд был серьёзным, почти пронзительным, как будто он видел больше, чем говорил.

— Я гулял, — сказал он ровно, без тени сомнения. — Побойтесь о подруге. — Он кивнул Лорен, и его лицо стало непроницаемым. Я хотела спросить ещё, но он уже вышел, закрыв за собой дверь, оставляя меня одну с этим его ответом. Гулял. В лесу. Ночью. Возле озера, где я тонула. Что-то здесь было нечисто, но я знала, он не скажет больше, пока сам не решит.

Глава 6

На часах было 03:07. Комнату заливал холодный лунный свет, и я разглядывала причудливые силуэты предметов на столе Лорен. Они отбрасывали длинные, искажённые тени, которые плясали на стенах от малейшего движения ветра за окном. Сон не шёл. Я перестала даже пытаться держать глаза закрытыми, это было бесполезно — веки всё равно не хотели слипаться. Я успела пересчитать всех овец в радиусе ста километров, продышалась по всем правилам, задерживала дыхание на счёт, но бессонница упрямо держала меня в своих цепких руках.

Я выдохнула и приняла решение: прогуляюсь до туалета и заодно умоюсь. Может, вода поможет, хотя я в этом сильно сомневалась. В тёмной комнате я нащупала ногами резино-

вые шлёпки, которые стояли у кровати, и медленно, стараясь не скрипнуть половицей, вышла в коридор, прикрыв за собой дверь. Я боялась разбудить Лорен, она заснула с трудом после всех событий, а будить её в три часа ночи было бы жестоко. Я уже запомнила дорогу к женскому туалету. После всех моих приключений в этом месте это казалось единственным местом, которое я знала как свои пять пальцев, и я добралась до него без единой ошибки, даже не задумываясь, куда поворачивать.

Умывшись, я не торопилась обратно. Смысла спешить в постель не было, я совершенно не могла заснуть, и возвращаться в душную комнату, где меня снова настигнут мысли, казалось бессмысленным. Я подошла к окну, взялась за холодную металлическую ручку и с усилием повернула её. Она жалобно скрипнула, и створка приоткрылась, впуская в помещение прохладный ночной воздух. Он ударил мне в лицо, ещё мокрое после умывания, и я почувствовала, как капли воды на коже стали ледяными. На пару секунд холод прогнал все мысли из головы. Все воспоминания о том, как я тонула в этом чёрном озере, как вода смыкалась надо мной, как я теряла надежду, — всё это исчезло, растворилось в свежем ветре, который касался моего лица. Я стояла так, наверное, минуту или две, вдыхая ночной воздух и чувствуя, как он наполняет лёгкие, вытесняя страх. Но холод постепенно пробирался под тонкую футболку, поднимался по рукам и ногам, и я поняла, что пора закрывать окно. Я осторожно по-

тянула створку обратно, услышала, как она снова скрипнула, и заперла её. Я собралась уходить, надеясь, что, когда я отогреюсь под одеялом, сон всё же придёт. Что холод унёс мои тревоги, и теперь я смогу уснуть.

Выйдя из туалета, я сделала пару шагов по коридору, но меня остановил странный запах. Я замерла, принюхиваясь, словно зверь, почуявший опасность. Пахло так же, как когда тушат свечи на торте: тот самый резковатый, чуть горьковатый запах, который обычно быстро выветривается. Но здесь он не исчезал, а висел в воздухе, вызывая у меня странное беспокойство.

— Может, кто-то курит? — прошептала я сама себе, хотя понимала, что в школе в три часа ночи это вряд ли кто-то делает открыто, разве что самые отчаянные.

Я развернулась и решила пройти по коридору в другую сторону, чтобы проверить, не станет ли запах сильнее. Я шла всё быстрее, втягивая носом воздух, и чувствовала, как запах становился гуще, плотнее, словно кто-то накрывал меня невидимым одеялом. Любопытство разгоралось во мне всё сильнее. Где-то в глубине души я уже знала, что это не просто чья-то сигарета. Это было что-то другое. Что-то, что должно было встревожить меня гораздо сильнее.

Завернув за угол, я сразу поняла, что именно пахнет так, как задутые свечи в день рождения. За углом было задымление. Серый, густой дым поднимался к потолку, окутывая коридор вязкой пеленой. Сердце пропустило удар. Я поняла,

что это не просто запах. Это был дым. Настоящий дым.

Пару секунд я стояла как вкопанная, скованная ледяным страхом, и смотрела, как серый дым змеёй ползёт по коридору, приближаясь ко мне. Он двигался медленно, но неумолимо, будто живое существо, которое знало, что я никуда не убегу. Все мои знания о том, что делать в такой ситуации, умещались в короткий инструктаж на школьной пожарной тревоге, который я прослушала в пол-уха. Сделав ещё пару вдохов горького, обжигающего воздуха, я заставила себя сорваться с места. Ноги двигались сами, а голос внутри кричал: «Беги, беги!»

Я побежала обратно, лихорадочно перебирая в голове варианты. На стене я заметила красную кнопку, защищённую хрупкой пластиковой коробочкой. Вот оно! Кнопка пожарной сигнализации! Я сорвала крышку, чувствуя, как пальцы дрожат, и со всей силы вдавила кнопку. Ничего. Я нажала снова, сжимая её с такой яростью, что побелели костяшки. Она проваливалась вхолостую, как будто внутри кто-то перерезал провода. Ещё пара секунд бесполезных попыток, и я поняла: время уходит. Я бросила кнопку и побежала дальше, чувствуя, как паника разрастается в груди, сжимая лёгкие.

Надо было срочно добраться до спален учителей. Но я не знала, где они. Я никогда не была в этой части коридора, и каждый поворот казался лабиринтом, который ведёт в никуда. Дым уже догонял меня, и я выдавила из себя крик:

— Пожар!

Первое слово вырвалось хриплым шёпотом, почти неуверенным, со вкусом стыда, будто я боялась, что разбужу кого-то, кто скажет, что я ошибаюсь. Но второе и третье уже звучали громче, и я закричала во весь голос:

— Пожар! Пожар! Просыпайтесь!

Я распахнула первую дверь — спальня двух девочек. Они спали безмятежно, и я закричала им прямо в комнату, не заходя внутрь. Метнулась ко второй двери, снова распахнула, крикнула. Но в коридоре оставалось тихо. Никто не выходил. Никто не просыпался. Только дым становился гуще.

Я ворвалась в третью комнату — двое мальчиков. Я схватила одного за плечо, растормошила, крикнула в лицо:

— Пожар! Вставай!

Он не проснулся. Я трясла его всё сильнее, почти изо всех сил, но его лицо оставалось спокойным, умиротворённым, будто он видел сон, из которого не хотел выходить. Я переключилась на второго — то же самое. Он сладко спал и не реагировал. Мои руки дрожали, и я поняла: я теряю драгоценные секунды, а в старом здании пламя может распространиться за считанные мгновения.

Издав отчаянный стон, я выскочила в коридор. Дым уже добрался до меня, и я почувствовала, как он жжёт носоглотку, как в носу зашипало, а на глаза навернулись слёзы, то ли от дыма, то ли от страха. Я закрыла лицо рукавом и побежала, чувствуя, как страх иглами впивается в спину. Сердце колотилось где-то в горле, паника подкатывала к горлу, но я

из последних сил держала себя в руках. Поворот, затем налево, снова прямо, но я не могла найти учительские спальни. Коридоры сливались в один бесконечный лабиринт, и я поняла, что заблудилась. В здании, которое горело. В здании, где никто не просыпался.

Мне срочно надо что-то предпринять, но я заблудилась! Я не могу терять драгоценные секунды: ещё немного — и я могу не успеть. Глаза слезились от дыма, горло саднило, а в груди разрастался ледяной ком страха. Я неслась по коридору, цепляясь за последнюю надежду, что вот-вот найду крыло с комнатами учителей. Я разбуджу их, они включат пожарную тревогу, начнётся эвакуация, и всё будет хорошо! Я пыталась успокоить себя этой мыслью, но она не работала. Я чувствовала ответственность за происходящее. Я должна всем помочь! Я не имею права остановиться, не имею права сдаться, даже если лёгкие горят, а ноги подкашиваются.

От отчаяния я потеряла голову. Я уже не понимала, бегаю ли кругами или приближаюсь к цели. Адреналин зашкаливал, дыхание сбилось, и каждый шаг давался с трудом. Ещё один поворот, и я наткнулась на единственного человека, который, как и я, не спал в эту ночь. Алекс столкнулся со мной, и его серые глаза распахнулись от удивления. К лицу он прижимал мокрую тряпку, и я на мгновение замерла, глядя на него. От неожиданности я остановилась, а через секунду из меня вырвалось всё, что вертелось в голове:

— Скорее! Надо разбудить учителей! Я не могу их найти!

Я рванула мимо парня дальше по коридору, на ходу махнув рукой, чтобы он следовал за мной. Внутри что-то щёлкнуло, словно открылось второе дыхание. Одна я была напугана и потеряна, но с ним рядом становилось легче, словно его присутствие выталкивало страх на второй план. Теперь мне было не так страшно. В голове пронеслась мысль: он явно сможет найти комнаты учителей. Он знает это здание лучше меня. Он приведёт мой план в действие, если я сама не справлюсь.

Я бежала вперёд, чувствуя, как его шаги звучат за спиной, как он догоняет меня, не отставая ни на шаг. Сердце всё ещё колотилось, но в груди появилась уверенность, которую я не чувствовала до этого.

— Мы не успеем, уходим! — уверенно скомандовал Алекс, догнав меня. Он сунул мне в руки мокрую тряпку, которой только что закрывал лицо, и, не дав мне опомниться, схватил за запястье и потащил в ту сторону, откуда я прибежала.

Я опешила. В голове всё ещё крутился план: разбудить учителей, поднять тревогу, спасти всех. Но он уже тянул меня за собой, и я поддалась, ноги побежали сами, хотя мозг ещё пытался осмыслить происходящее. Понадобилось несколько секунд, чтобы я сообразила прижать тряпку к лицу. Она пахла водой и чем-то металлическим, но дым перестал так сильно резать горло. Я глотнула воздуха и поняла, что он успел намочить её в экстренной ситуации, прямо как

по инструкции, которую никто не читает, но которая почему-то всплывает в памяти в самый страшный момент. А теперь он отдал её мне. Закрывая лицо рукавом, Алекс тащил меня за руку, но совершенно не туда, куда я собиралась идти. Я не понимала, куда мы бежим. Коридоры сливались в один бесконечный лабиринт, и мне казалось, что мы кружим на месте.

А потом мы свернули за угол, и я увидела это. В конце коридора всё горело. Деревянные стены, пол, потолок — всё было охвачено пламенем, которое жадно лизало старую краску и пожирало доски. Огонь полз в нашу сторону, оставляя за собой чёрные, обугленные следы. Я услышала треск, тот самый, который я помнила с детства, когда отец разводил камин в зимние вечера. Только тогда это было тепло и уютно. Теперь этот звук заставлял кровь стыть в жилах.

Алекс остановился, и я услышала, как он тихо выругался себе под нос. Он резко сменил направление, потянув меня за собой, и я поняла, что мы не сможем пройти там, где планировал пройти Алекс. Мне оставалось только довериться ему. Мысль о том, что из-за пламени может что-то обрушиться, засела в голове, как заноза, и я чувствовала, как страх разрастается в груди. Вопрос уже был не в том, как спасти всех. Вопрос был в том, сможем ли мы спастись сами.

Мы спустились по лестнице на первый этаж. И остановились. Всё было в густом чёрном дыму, он клубился под потолком, застилал всё вокруг, делая коридор похожим на тём-

ный, дышащий тоннель. Я инстинктивно замедлилась, чувствуя, как ноги отказываются идти в эту гущу. Лёгкие сжались, и я поняла, что боюсь сделать следующий шаг.

— Закрой глаза и задержи дыхание, — твёрдо сказал Алекс. Я посмотрела на него и увидела, как его глаза горят решимостью. Он смотрел на меня так серьёзно, что я на мгновение забыла дышать.

— Как я пойду с закрытыми глазами? — выдохнула я, чувствуя, как паника поднимается внутри. — Ты хочешь идти прямо в этот чёрный дым? Надо найти другой выход. — Я начала выдёргивать руку, которую он до сих пор держал. Я не могла идти туда. Я не могла видеть только тьму и дым.

И он отпустил моё запястье, и прежде чем я успела обрадоваться, я почувствовала, как его пальцы переплелись с моими. Он взял меня за руку, и его ладонь была тёплой.

— Я знаю, что делаю, — сказал он, и его голос стал мягче, но не потерял стальной уверенности. — Доверься мне.

Он посмотрел мне прямо в глаза, и в этом взгляде было столько убеждённости, что я почувствовала, как страх отступает. Я сомневалась, но что-то внутри подсказывало мне: он не подведёт. Рядом с ним капризничать и поддаваться панике было просто неприлично. Я глубоко вздохнула и кивнула.

— Три-четыре, — скомандовал Алекс, и я, не раздумывая, задержала дыхание, зажмурилась и шагнула вперёд. Мы пошли большими уверенными шагами, я слышала его дыхание рядом, чувствовала его руку, которая крепко сжимала

мою ладонь, и старалась не думать о том, что нас окружает. Было страшно идти с закрытыми глазами. Каждый шаг давался с трудом, воображение рисовало стены, которые вот-вот появятся перед лицом, и мне казалось, что ещё секунда, и я врежусь лбом в стену или споткнусь о что-то. Но его рука вела меня уверенно, без колебаний, и я подчинялась, чувствуя, как его спокойствие передаётся мне.

На мгновение мы остановились. Я услышала, как скрипнула дверь, и парень потянул меня вперёд. Мы вышли на улицу.

Холодный воздух ударил в лицо, и я рискнула открыть глаза. Мы не сбавляли темпа, быстро спустились по лестнице и отошли от здания. Я жадно глотала воздух ртом, чувствуя, как каждый вдох наполняет лёгкие жизнью. В этот момент он казался самым ценным, что у меня было. Сердце всё ещё бешено колотилось, ноги были ватными, и я почти не чувствовала земли под собой. Алекс отпустил мою руку, и я развернулась, чтобы увидеть, как далеко мы ушли и что осталось позади.

Две трети школы было объято пламенем. Огромное здание полыхало, как сухое полено в разожжённом костре, и я не могла поверить, что это происходит наяву. В голове не укладывалось, что настоящий пожар здесь, где я стою, а не в очередной сводке новостей по телевизору, не в чужом городе, не где-то далеко. Свет от пламени рассекал ночную темноту во дворе, отбрасывая длинные, пляшущие тени, и я да-

же не могла представить, что огонь может быть таким ярким, он заливал всё вокруг оранжевым, почти дневным светом, который казался неестественным в этой глубокой ночи.

На мгновение во мне промелькнула радость от спасения, острая, как укол. Я поняла, что могла бы быть сейчас там, внутри, в этом аду, спать вместе со всеми, не зная, что просыпаюсь в последний раз. Мысль о том, что я выжила, что Алекс вытащил меня, обожгла меня изнутри. Но это чувство исчезло так же быстро, как появилось, уступая место ледяной тревоге. Я смотрела на полыхающее здание и думала о тех, кто остался внутри. О Лорен. Об Астрид. О тех, кого я не смогла разбудить. О тех, кто даже не проснулся. Радость ушла, оставив после себя только пустоту и страх, который сжимал грудь всё сильнее.

— Надо вызвать пожарных! — вырвалось у меня срывающимся воплем, который разорвал ночную тишину. Я повернулась к Алексу, ища в нём опору, но он даже не взглянул на меня. Слова застряли у меня в горле, когда я увидела его лицо. Он был невероятно зол. Его челюсти сжались так сильно, что на скулах выступили желваки, глаза, устремлённые на полыхающее здание, горели холодным, ледяным пламенем, которое было страшнее любого огня. Он не сводил взгляда с школы, и в этом взгляде было столько ярости, что я почувствовала, как по спине пробегает холод. Губы его были плотно сжаты, и я поняла, что он не слышит меня. Он вообще ничего не слышит. Он смотрел на огонь, и в этом взгляде

читалось что-то, чего я не могла понять. Я сделала шаг назад, чувствуя, как его гнев давит на меня, заставляя замолчать.

— Чёрт, я не успел, — процедил он сквозь зубы, и голос его был наполнен такой горечью и яростью, что я невольно отшатнулась. Он смотрел на огонь, и в этом взгляде было столько боли, будто он видел не просто горящее здание, а собственное поражение. Я не понимала, что он имел в виду. Не успел разбудить учителей? Не успел спасти кого-то? Но в его голосе звучало что-то большее, что-то, что выходило за рамки обычного страха за других. Это было похоже на личную трагедию. Я хотела спросить, но он стоял неподвижно, и его гнев был таким осязаемым, что я боялась нарушить тишину.

— Надо помочь остальным! — голос мой прозвучал громче, чем я ожидала, но в нём не было уверенности, только отчаяние. Я повернулась к Алексу, но он всё ещё смотрел на огонь. Я чувствовала, как паника сжимает грудь, как бессилие разливается по телу. Там, внутри, были люди. Десятки людей, которые спали, когда начался пожар. Которые не проснулись, когда я кричала. Которые могли сейчас задыхаться в дыму. Я не могла просто стоять и смотреть, как горит школа. Я не могла позволить им умереть. Но я не знала, что делать. Я не знала, как им помочь. И это чувство беспомощности было хуже любого страха.

— Они уже не проснутся, — раздражённо процедил Алекс, и его слова ударили меня, как пощёчина. Я застыла

на мгновение, не веря своим ушам. Что значит не проснуться? Как такое возможно, что целая толпа людей не проснётся при пожаре? Я смотрела на полыхающее здание, и в голове не укладывалось, что из всего огромного интерната спаслись только двое. Только мы с ним. Остальные... остальные всё ещё там.

Я не думала ни секунды. Ноги сами понесли меня к будке охранника, которая виднелась позади ворот. Мысль пришла мгновенно, как вспышка: там есть телефон, там можно вызвать пожарных. Я бежала по сырой траве, чувствуя, как холодная земля пружинит под ногами, как ветер бьёт в лицо, смешиваясь со слезами, которые уже начали застилать глаза. Я добежала до будки и начала колотить в окно, крича что-то бессвязное, оповещая, что начался пожар. В ответ — тишина. Ни звука, ни движения внутри.

Я била ладонью о стекло всё сильнее, чувствуя, как отчаяние поднимается из самой глубины души. Мне казалось, что стекло вот-вот треснет, но меня это не останавливало. Я продолжала бить, кричать, пока голос не сорвался на визг. Слезы текли по лицу, и я почти ничего не видела, только мутные очертания будки и собственные руки, которые уже начали болеть от ударов. Но я не чувствовала боли. Адреналин заглушал всё. Я чувствовала только одно: ответственность. За тех, кто остался внутри. За тех, кто не проснулся. Если я остановлюсь, они умрут. Я теряла драгоценные секунды, а в такие моменты каждая секунда может стоить чьей-то жизни.

— Почему ты не спала? — грубый мужской голос прервал мой порыв отчаяния, и я вздрогнула, как от удара. Неожиданная претензия, прозвучавшая из темноты, заставила меня резко развернуться. Я стала быстро вытирать слёзы, чтобы лучше видеть, но, когда мои глаза сфокусировались на незнакомце, я поняла, что это совсем не Алекс. Передо мной стоял высокий парень, которого я видела впервые в жизни. Свет пламени, пляшущий вокруг, освещал его странную одежду, которая казалась вырванной из другой эпохи. Лёгкие шаровары и свободная футболка были фиолетового цвета, полностью покрытые витиеватыми цветными узорами, которые переливались в оранжевом свете огня. Поверх них была накинута чёрная мантия с широкими рукавами и глубоким капюшоном, который почти полностью скрывал его голову, но я всё равно видела лицо. Чёрные выующиеся волосы были собраны на боку резинкой, а пряди из длинной чёлки падали на глаза, почти скрывая их. Но даже сквозь них я увидела его взгляд: он смотрел на меня исподлобья, зло, пронзительно, и в его чёрных глазах горел какой-то странный огонь. Веки у него были густо подведены чёрным карандашом, что делало его взгляд ещё более тяжёлым. Я стояла, не в силах произнести ни слова, чувствуя, как страх смешивается с непониманием.

Я застыла в страхе, увидев такого необычного человека в таком месте. Каждая клетка моего тела оцепенела, и я боялась даже дышать, потому что не понимала, кто он и что он

здесь делает. Такого человека ожидаешь встретить на музыкальном фестивале в пустыне, с его фиолетовыми шароварами, чёрной мантией и подведёнными глазами, но уж никак не в лесу, ночью и возле полыхающей школы. Он не был похож ни на ученика, ни на преподавателя, ни на работника интерната. И именно это непонимание, кто он и чего хочет, приковало меня к месту сильнее любого страха.

Не дождавшись от меня ответа, парень нахмурился и повторил вопрос, но уже громче, почти рыча:

— Почему ты не заснула?! — Его голос звенел от злобы, и я чувствовала, как его раздражение растёт с каждой секундой моего молчания. Он был ужасно зол, но я не понимала, почему его так волнует мой сон. Почему он вообще здесь? Откуда он знает, что я не спала? Вопросы роились в голове, но я не успела задать ни одного.

— Только посмей её тронуть, Кайл!

Голос Алекса прозвучал как удар хлыста, холодный, резкий, не терпящий возражений. Он появился из темноты, стремительно сокращая дистанцию, и я видела, как его кулаки сжаты, как каждый мускул на его теле напряжён. Он смотрел на незнакомца так, будто хотел испепелить его одним взглядом. В его глазах горела такая ненависть, что я невольно отшатнулась. Он знал этого парня. И он явно не был рад его видеть.

Имя: Кайл

Фамилия: неизвестно

Возраст: 20

Рост: 179 см

Цвет волос: чёрный

Цвет глаз: чёрный

Дата рождения: неизвестно

Род деятельности: неизвестно

Пока мысль о том, что мой знакомый назвал этого неприятного типа по имени, медленно обрабатывалась моим сознанием, Алекс уже сократил расстояние между нами. Он, как вихрь, ни секунды не мешкая, замахнулся, чтобы врезать кулаком прямо в лицо этому странному парню в фиолетовом. В свете пламени я на мгновение увидела его лицо, искажённое яростью, с оскалом, который показался мне почти животным. На долю секунды мне почудилось, что я вижу настоящие клыки, длинные, острые, какие не бывают у людей. Но, возможно, это был просто обман зрения, игра света и тени, вызванная адреналином и страхом. Неожиданное развитие событий заставило меня инстинктивно отшатнуться, прижимаясь спиной к холодной стене будки. Я не хотела оказаться между ними, не хотела видеть, как Алекс, тот самый парень, который только что спас меня от пожара, сейчас в ярости пытается разбить лицо незнакомцу. Но тот, кого звали Кайлом, легко и плавно, будто танцуя, увернулся от удара. Он даже не напрягся, даже не изменил позы. А Алекс уже тяжело дышал от злобы, которая переполняла его, и я видела, как его кулаки сжимаются снова, готовые нанести новый

удар.

— Вот зачем это всё?! Тебе так необходимо было поджечь школу?! — крикнул Алекс, и его голос сорвался на хрип. Он смотрел на Кайла с такой ненавистью, что казалось, воздух между ними искрится. Я переводила взгляд с одного на другого, чувствуя, как внутри разрастается холодное недоумение. Они что, знакомы? Этот странный парень в фиолетовом и Алекс, который учится в интернате? Парень, которого называли Кайлом, ухмыльнулся. Его улыбка была ленивой, почти насмешливой, как будто он получал удовольствие от этой сцены.

— Я предупреждал тебя, что так будет! — сказал он, и в его голосе звучало что-то дразнящее. — Надо было думать раньше!

Я чувствовала, как между ними пробегает ток невысказанной вражды. Они явно знали друг друга, но я не понимала, о чём они говорят. Этот странный парень поджег школу? Алекс стиснул зубы, и я видела, как его кулаки сжимаются снова.

— Ты хоть понимаешь, что наделал? — прошипел он, и голос его был низким, как рык.

Но Кайл даже не ответил. Он просто развернулся, как будто Алекс был пустым местом, и... исчез. Растворился в воздухе на моих глазах. Не побежал, не скрылся в темноте, а просто перестал существовать. Я моргнула, думая, что мне показалось, но Алекс остался стоять с протянутой рукой, ко-

торая сжалась в кулак, когда он понял, что опоздал. Я смотрела на пустое место, где только что стоял этот странный человек, и чувствовала, как реальность начинает трещать по швам.

Я заморгала, пытаюсь осознать увиденное. Куда делся этот хиппи? Только что он стоял здесь, насмешливо улыбался, а теперь — пустота. На секунду я засомневалась: был ли этот странный незнакомец в реальности, или мой травмированный мозг просто выдумал его? Слишком много всего произошло за эту ночь: огонь, дым, бег, страх, и теперь этот исчезнувший человек. Я чувствовала, как реальность начинает расплываться.

Алекс тяжело опустился на траву. Я услышала его тихое короткое ругательство, полное бессилия. А затем повисла тишина. Она была тяжёлой, почти осязаемой, нарушаемой только треском дерева. Я перевела взгляд на школу и почувствовала, как внутри всё сжимается. Огромное здание было объято пламенем. Часть конструкции уже начинала рушиться, и я слышала, как падают балки, как стёкла лопаются от жара. Адреналиновый заряд начал спадать, оставляя после себя только пустоту и осознание. Я поняла, что все мои попытки что-то предпринять были обречены на провал с самого начала. Когда здание такое большое, кажется, что время ещё есть, но это главный обман, в который я попала. При пожаре *времени нет*. Его никогда нет.

Я стояла обессиленно, глядя на буйство стихии, и серд-

це щемило от осознания, что произошла настоящая катастрофа. Что из целой толпы людей спаслись только мы двое. Только мы с Алексом. Остальные остались там, в этом аду. Я не знала, сколько времени прошло, но чувствовала, как каждая секунда давит на меня. Наконец я не выдержала тишины и спросила:

— Куда делся этот парень?

Алекс сидел неподвижно, глядя на полыхающее здание, и его лицо было каменным, ничего не выражающим. Казалось, он смотрел в пустоту, пытаясь переварить то, что произошло. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, что он здесь не один. Он медленно повернул голову и встретился со мной взглядом.

— Он ушёл, — сказал он, поднимаясь с травы. Я заметила, как его глаза скользнули по мне, изучая меня, будто он видел меня впервые. Я невольно поёжилась от такого пристального взгляда, чувствуя себя неуютно, как будто он что-то во мне оценивал. Но мой товарищ по несчастью, видимо, сделал для себя какой-то вывод, потому что его лицо стало уверенным.

— Пойдём, — коротко бросил он, слегка махнув рукой, и направился к воротам, за которыми темнела дорога. Та самая дорога, по которой отец привёз меня в эту школу.

Я стояла на месте, пытаясь переварить всё, что произошло. Мой разум лихорадочно пытался понять, как и куда ушёл этот странный незнакомец, и я уже не могла отличить реальность от того, что было плодом моего воображения.

Слишком много шока, слишком много адреналина. Я смотрела на Алекса, на его спину, которая удалялась, и чувствовала, как паника поднимается внутри. Он был уверен, он знал, куда идти. Но я не могла заставить себя двинуться с места. Я только что вышла живой из катастрофы, а теперь мне надо было идти ночью в лес, в темноту, не зная, что меня ждёт? Я смотрела то на полыхающую школу, то на дорогу, на его фигуру, и не могла сделать шаг.

— Нам всё ещё надо что-то сделать! — вырвалось у меня, и я снова вскинула руку в сторону полыхающего здания, как будто могла остановить огонь силой одной лишь воли. Я понимала, что спасти остальных уже поздно. Слишком поздно. Пламя пожирало школу с такой яростью, что внутри уже не могло остаться ничего живого. Но я не могла просто взять и уйти. Я не могла смотреть на это, развернуться и шагнуть в темноту, оставляя их там, в этом кошмаре. Я, как выжившая, чувствовала ответственность за всё, что произошло. За то, что я не смогла их разбудить. За то, что я не смогла найти учителей. За то, что я была здесь, снаружи, а они были там, внутри. Я смотрела на пламя и чувствовала, как оно пожирает меня изнутри, как вина и бессилие разрывают моё сердце на части. Я не могла просто уйти, оставив их там. Я не могла.

— Мы уже ничего не сделаем. — Парень, остановившись, слегка грустно посмотрел на буйный танец пламени. — На трассе припаркована моя машина, других вариантов сейчас нет.

Одноклассник продолжил свой путь к дороге, но я всё ещё не решалась сдвинуться с места. Я смотрела то на удаляющуюся фигуру парня, то на горевшее здание. Тело начало пробирать мелкая дрожь. Моя новая подруга, Лорен... такая ранимая, хрупкая, мечтательная, с глазами, полными жизни... Теперь она там, в огне, и её больше нет. Нет её нежных улыбок, нет её весёлых разговоров, нет её будущих мечтаний. И все остальные — Астрид, ученики, учителя, работники, каждый со своими целями, планами, со своими маленькими радостями и надеждами... Всё это стёрто с лица земли бушующим пламенем, превратилось в пепел. Ни одна из их мечт больше не сможет осуществиться. И даже Флойда, с его отвратительным характером, вдруг стало по-человечески жаль. Он, может, и не заслуживал жалости, но уж точно не заслуживал такого ужасного конца.

Я почувствовала запах жареного мяса, прямо как на тех барбекю, что устраивала моя семья на заднем дворе. Желудок предательски заурчал, во рту появилась слюна, и я укоризненно подумала, что в такой ситуации думать о куске жареного стейка аморально. Краем глаза я уловила силуэт: высокую фигуру в строгом бежевом плаще, который обычно носят белые воротнички. Статный мужчина, он стоял рядом с полыхающим зданием и, клянусь, казалось, смотрел прямо на меня, пронизывая взглядом. Я моргнула, и видение растаяло, словно мираж. Неужели от пережитого стресса уже начинаются галлюцинации? Вдохнув ещё раз аромат, я ста-

ла понимать, что нигде по соседству не готовят стейки в три часа ночи посреди леса. Я поняла, что так пахнут горевшие в здании люди, и мой желудок сразу же вывернуло наизнанку.

Алекс

Я был уверен, что она пойдёт за мной. Конечно же, глупо оставаться *здесь*. Я слышал неприятные звуки и сразу понял, что ей плохо. Два стремительных шага, и я уже рядом, отбрасываю с её лица пряди. Мягкие, шелковистые, такие длинные. Бедняжку выворачивало и трясло, неудивительно. И всё из-за того, что я провалил чёртово задание. Казалось бы, в чём сложность того, чтобы не допустить поджога? Особенно для меня. Эта вылазка на озеро... Отвлёкся всего на секунду — и всё, миссия летит в тартарары. Думать сейчас об отчёте даже не хочется, опять меня отчитают в главном офисе, как какого-то мальчишку.

Но миссия состояла из двух частей. Не просто предотвратить поджог школы, нет, это было лишь начало. Вторая часть, та, что тянулась за мной с самого первого дня, была сложнее и важнее: найти человека, который поможет остановить Кайла. Остановить его череду поджогов, его безумный план, который он вынашивал годами. Когда я впервые прибыл в эту школу, я думал, что этим человеком окажется кто-то вроде Флойда. Или один из его дружков, мы так часто пересекались, что я почти привык к их тупым ухмылкам. Но сейчас сомнений не оставалось. Это была она. Эрика. Та самая девчонка, которую выворачивало наизнанку от пере-

житого ужаса. Та самая, которую чуть не утопили малолетние придурки, считающие, что им всё сходит с рук. Она была той, кто должен был стать моим союзником. И это пугало меня больше, чем сам Кайл.

— Ты как? Идти можешь? — мой голос прозвучал хрипло.

Девушка выровняла дыхание и распрямилась. Её ещё трясло, но в остальном она вроде была в порядке. На ней были только футболка и пижамные штаны, и я видел, как её знобит. Я быстро снял с себя толстовку и накинул ей на плечи.

— Нам надо уходить, Ласточка, — сказал я с нажимом.

— Куда? — выпалила Эрика, прожигая меня взглядом. Словно я предложил нечто совершенно безумное.

— До трассы несколько километров. Не думаю, что мы хотим провести здесь всю ночь.

Эрика, нахмурившись, плотнее закуталась в мою толстовку. Казалось, она взвешивала каждый “за” и “против”, хотя, по-моему, выбор был очевиден.

Эрика кивнула, дав понять, что согласна, хотя и не с особой охотой.

Надо отдать должное этой хрупкой девочке: несмотря на дрожь и холодный ночной воздух, Эрика молчала весь путь до машины. Даже несмотря на то, что она была в шлёпках, а её голые ноги уже были в грязи. Однако в десяти метрах от машины она всё же не выдержала: потеряв сознание, рухнула

бы на землю, если бы я не успел её подхватить.

Изменено:

Имя: Лорен

Фамилия: Деккер

Возраст: 17

Рост: 157 см

Цвет волос: русый

Цвет глаз: голубой

Дата рождения: 13.01.2009

Род деятельности: ученица школы имени Барри Бахмана

Дата смерти: 06.09.2026

Причина смерти: гибель при пожаре

Изменено:

Имя: Джесси

Фамилия: Флойд

Возраст: 17

Рост: 189 см

Цвет волос: тёмно-каштановый

Цвет глаз: тёмно-карий

Дата рождения: 04.02.2009

Род деятельности: ученик школы имени Барри Бахмана

Дата смерти: 06.09.2026

Причина смерти: гибель при пожаре

Изменено:

Имя: Астрид

Фамилия: Прескотт

Возраст: 17

Рост: 163 см

Цвет волос: блонд

Цвет глаз: голубой

Дата рождения: 10.04.2009

Род деятельности: ученица школы имени Барри Бахмана

Дата смерти: 06.09.2026

Причина смерти: гибель при пожаре

Глава 7

Эрика

Мне было так тепло и уютно, что хотелось остаться в этом состоянии навсегда. Я уже проснулась, но находилась где-то на границе сна и реальности, а веки оставались сомкнутыми, словно боялись нарушить эту идиллию. Моё тело утопало в мягкой кровати, толстое пуховое одеяло укрывало меня с головой, и я чувствовала, как каждый мускул расслаблен, как каждая клетка наслаждается этим моментом покоя. Солнечный свет пробивался сквозь шторы, и я знала, что день уже наступил, но не хотела отпускать это чувство безопасности и уюта.

Тихий стук в дверь нарушил тишину. Слишком нерешительный для настойчивого стука отца или раздражающей барабанной дробы Кларисы. Я прислушалась, но ноги не спе-

шили коснуться пола. Вместо этого я решила притвориться спящей, может быть, если я не отвечу, они подумают, что я ещё не проснулась, и оставят меня в покое. Но дверь всё равно открылась, и в мою комнату кто-то вошёл.

— Ласточка?

Голос, произнесший моё прозвище, был чужим, незнакомым и оттого пронзил меня беспокойством, заставив глаза распахнуться. Комната была залита ярким солнечным светом, но через пару секунд сознание нахлынуло: комната не моя. Я окинула взглядом незнакомое помещение, и тревога переросла в отчётливый страх. Мой взгляд упал на человека, осмелившегося нарушить мой сон, и я узнала в нём Алекса. В голове вспыхнули воспоминания последних дней, и во рту мгновенно появился неприятный привкус горечи.

— Как себя чувствуешь? — бодро спросил парень с теплотой в голосе.

— Где я? — ответила вопросом на вопрос.

— У меня дома, — ответил Алекс, с лёгкой ухмылкой прислонившись к дверному косяку. Его руки были скрещены на груди, подчёркивая широкие плечи, а на нём была простая, но идеально выглаженная белая футболка и джинсы. Слегка влажные чёрные волосы небрежно падали на лоб, обрамляя его лицо, делая его вид по-домашнему привлекательным.

— Я... Я не помню, как тут оказалась, — произнесла я вслух, погружившись в собственные мысли.

— Я привез тебя на машине, ты была без сознания всю дорогу, — пояснил Алекс, его голос звучал мягко и успокаивающе. — И ещё целые сутки, — добавил он словно невзначай, и от этого факта меня пробрала лёгкая дрожь. — Пойдём вниз, завтрак уже накрыт. Я тебя всем представлю. Все очень ждали, пока ты проснёшься.

Скинув с себя тяжёлое одеяло, я с удивлением обнаружила, что на мне вовсе не моя одежда: спортивные штаны и просторная чёрная футболка с принтом какой-то рок-группы. Внутри проснулось чувство неловкости, переходящее в стыд, и, прежде чем я успела осознать все последствия своего вопроса, я выпалила:

— А кто меня переодел?

— Ещё и искупал. — Алекс заговорщически улыбнулся, лукаво прищутив глаза, и от его слов я на мгновение потеряла дар речи. Губы приоткрылись, собираясь выдать целую тираду возмущения, но я почувствовала, как мои щёки мгновенно вспыхнули, выдавая все мои внутренние переживания, и слова застряли где-то в горле.

— О тебе позаботилась миссис Беккер, не смотри на меня так, — слегка рассмеялся парень, наблюдая за моим замешательством. — Вставай, — с этими словами он жестом пригласил меня покинуть постель.

Мы спустились по лестнице на первый этаж, и меня окутал аппетитный аромат свежесваренного кофе и румяных блинчиков, заставляя желудок заурчать в предвкушении. Но

как только мы оказались в гостиной, меня накрыла волна хаоса. В центре этого вихря, во главе большого стола, изысканно накрытого к завтраку, восседал мужчина лет сорока. Он читал газету, полностью погрузившись в её содержание, и казался отстранённым наблюдателем этого безумия. Интеллигентный, ухоженный, с лёгкой, аккуратно подстриженной щетиной, он словно не замечал всего буйства, которое царило вокруг него. Двое маленьких сорванцов, мальчик и девочка, носились друг за другом вокруг стола, оглашая пространство диким хохотом и радостными воплями, а сидящая на стуле девушка-подросток, поджав под себя ноги, отчаянно пыталась их перекричать, призывая к тишине и порядку. На фоне всего этого гомона работал телевизор с утренней передачей, чей звук пробивался сквозь общий шум. Кухонная зона была наполнена шипением сковородок, за которыми деловито следила пухленькая, очаровательная женщина в летах.

Алекс направился к столу, а я, ошеломлённая обстановкой, нерешительно замерла на месте. Взгляд мужчины, отвлекшегося от газеты, задержался на мне. Широкая улыбка осветила его лицо, и он торопливо снял очки для чтения. Быстро подойдя ко мне, он крепко пожал руку.

— Дэвид Уоррен, очень рад знакомству, — произнес он чётким голосом. — Мне очень жаль, что тебе пришлось пережить такое неприятное событие. Чувствуй себя как дома.

Имя: Дэвид

Фамилия: Уоррен

Возраст: 39

Рост: 180 см

Цвет волос: тёмно-каштановый

Цвет глаз: карий

Дата рождения: неизвестно

Род деятельности: врач

Смущённо ответив на рукопожатие, я заметила, как в комнате воцарилась тишина. Все взгляды, полные любопытства, были обращены на меня.

— Позволь представить, — продолжал Дэвид, и его интонация стала почти профессорской, словно он проводил экскурсию по музею, а не знакомил меня с людьми в своём доме. — Это Ирис... — Он кивнул на девушку, чьё лицо выражало явное недовольство. Она была похожа на типичного подростка, который только что был вырван из своего мира и теперь вынужден терпеть чужих людей. Вся в чёрном, от обтягивающей футболки до тяжёлых ботинок, с густым макияжем, подчёркивающим её бледную кожу. Она сидела, скрестив руки на груди, и смотрела на меня с вызовом, будто я была той, кто нарушил её привычный порядок вещей.

— Наши малыши-близняшки, Финн и Фэй. — Дэвид указал на двух детей, которые перестали бегать и глядели с любопытством, но без враждебности. — И, конечно, наша незаменимая миссис Беккер.

Я перевела взгляд на женщину, которая стояла чуть поодаль, — тёплую, улыбчивую, с лёгкими морщинками у глаз, словно она привыкла много смеяться и заботиться о других. Она смотрела на меня с доброжелательным любопытством.

Имя: Ирис

Фамилия: Уоррен

Возраст: 13

Рост: 161 см

Цвет волос: блонд

Цвет глаз: гетерохромия — голубой, сиреневый

Дата рождения: 03.05.2013

Род деятельности: ученица средней школы, предсказательница

Имя: Финн

Фамилия: Уоррен

Возраст: 6

Рост: 117 см

Цвет волос: блонд

Цвет глаз: светло-голубые

Дата рождения: неизвестно

Род деятельности: воспитанник детского сада

Имя: Фэй

Фамилия: Уоррен

Возраст: 6

Рост: 117 см

Цвет волос: блонд

Цвет глаз: светло-голубые

Дата рождения: неизвестно

Род деятельности: воспитанница детского сада

Имя: Маргарет

Фамилия: Беккер

Возраст: 50

Рост: 160 см

Цвет волос: седой

Цвет глаз: светло-карий

Дата рождения: неизвестно

Род деятельности: экономка

— Прошу к столу, не стесняйся, — сказал Дэвид, широким жестом указывая на свободный стул. Его голос был мягким, но в нём чувствовалась уверенность хозяина, который привык, чтобы гости чувствовали себя как дома.

Я на мгновение замялась, но потом заметила, что Алекс уже занял место рядом с тем, что предназначалось мне. Он слегка кивнул, приглашая сесть, и я, чувствуя, как напряжение потихоньку отпускает, опустилась на стул рядом с ним. Все остальные тоже начали рассаживаться. Дети с визгом и смехом запрыгнули на свои места, а миссис Беккер, улыбаясь, поставила на стол огромное блюдо с блинами.

Дети тут же накинулись на конфеты, не дожидаясь офи-

циального начала. Их звонкие голоса, смех и стук вилок наполнили комнату жизнью, и я вдруг почувствовала, что этот момент почти как сцена из фильма: большая семья за столом, тёплый свет лампы и аромат свежих блинов, смешанный с запахом кофе. Вскоре все приступили к трапезе, и я, наконец, позволила себе расслабиться.

— Накладывай себе, пока горяченькие, — миссис Беккер с заботливой суетой пододвинула ко мне креманку с малиновым вареньем. Её голос был таким тёплым, что я почти забыла о том, где нахожусь и что пережила за последние дни. Я взяла пару блинов с горки, щедро полила их ароматным вареньем с целыми ягодами, которые блестели, как рубины.

Я уже собиралась есть, но краем глаза заметила, как Алекс и Дэвид аккуратно орудуют и вилкой, и ножом, отрезая по небольшим кусочкам. Я на мгновение застыла, осознавая, что я, кажется, собиралась есть блины как попало, но теперь, вооружившись вилкой и ножом, решила не ударить в грязь лицом и последовать их примеру. Отрезав маленький кусочек блина, я занесла его в рот и почти зажмурилась от удовольствия.

— Вкусно, — выдохнула я, и миссис Беккер довольно улыбнулась, словно этот комплимент был самой лучшей наградой.

Под конец завтрака миссис Беккер налила всем чай, и я решила, что настал подходящий момент, чтобы аккуратно

подойти к главному вопросу, который не давал мне покоя с того самого момента, как я очнулась. Я отпила из фарфоровой чашки. Горячий, горький напиток без сахара обжёг язык, и я сдержалась, чтобы не поморщиться.

— Большое спасибо всем вам за гостеприимство, — начала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я бы хотела позвонить домой, чтобы отец не волновался и приехал забрать меня.

Я подняла глаза, ожидая, что Дэвид сразу же кивнёт и укажет на телефон. Но вместо этого он опустил чашку на стол и слегка нахмурился.

— О, Эрика, боюсь, это невозможно, — сказал он с сожалением в голосе, и я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Это как? — удивилась я, стараясь сохранить спокойствие, но голос предательски дрогнул. Неужели они собираются держать меня здесь против моей воли? Я перевела взгляд на Алекса, ища в нём поддержки, но его лицо было непроницаемым.

— Видишь ли, — продолжил Дэвид, — нам очень нужно, чтобы ты осталась и помогла кое с чем.

Я смотрела на него, не понимая, о чём он говорит, и чувствовала, как тревога начинает закрадываться в моё сердце.

Я замерла, переваривая его слова. С чем я могу помочь? Может быть, они хотят, чтобы я помогла разобрать гараж или перекрасить стены? Или, может быть, им нужна помощь по дому в благодарность за тёплый приём? Я уже мысленно

прикидывала, сколько времени это может занять, как вдруг Дэвид, заметив моё замешательство, продолжил, и его голос стал серьёзнее, почти торжественным:

— Дело в том, что пожар в школе, из которой вы с Алексом выбрались, — не случайность. Это был поджог.

Он выдержал паузу, и я почувствовала, как его слова повисают в воздухе, тяжёлые и холодные. Я вжалась в стул, чувствуя, как внутри всё сжимается. Похоже, разговор был гораздо серьёзнее, чем я предполагала. Мои мысли о гараже и стенах показались мне вдруг глупыми и неуместными.

— Поджог? — переспросила я, и мой голос прозвучал тихо, почти шёпотом. Я смотрела на Дэвида, и в его глазах я видела подтверждение моих самых страшных догадок.

— Эрика, — продолжил Дэвид, и его интонация стала мягче, почти отеческой, но в ней всё ещё звучала стальная серьёзность, которая не оставляла места для сомнений. — Мы не совсем обычная семья, как ты, возможно, подумала. По документам мы ей успешно притворяемся, но на самом деле мы — один из филиалов организации под названием «Пантеон».

Он сделал паузу, давая мне время осмыслить услышанное, но я чувствовала, как в голове всё перемешивается, как мысли теряют связь друг с другом.

— Я не буду сейчас вдаваться в детали, чтобы не перегружать тебя, — добавил он, и его голос стал почти извиняю-

щимся. — Но «Пантеон» был основан много лет назад высшими богами с целью контролировать магических существ и защищать мир людей от опасностей магического мира. Мы все здесь члены этой организации, и наша работа заключается в выполнении заданий, поступающих из главного офиса. Алекс, например, выполнял задание по предотвращению поджога в школе имени Барри Бахмана, когда вы познакомились.

Алекс сидел неподвижно, его лицо было каменным, но в глазах я заметила тень напряжения. Он знал, что этот разговор неизбежен, и теперь ждал моей реакции.

— Не выполнял, а проваливал, — раздался язвительный голос Ирис. Она сидела, скрестив руки на груди, с явным недовольством на лице, и её слова прозвучали как меткий укол. — Школа сгорела, Алекс.

Алекс одарил девушку таким строгим взглядом, что Ирис недовольно отвернулась, но я видела, как она сжала губы, явно сдерживая ещё один комментарий. На мгновение в комнате повисла напряжённая тишина, нарушаемая только тиканьем старых настенных часов.

Я чувствовала, как кровь отливает от моего лица, как руки начинают дрожать. Моя чашка издала тихий звон, когда я поставила её на блюдце, боясь, что могу разбить её от волнения. Я глубоко вздохнула, стараясь сохранить подобие спокойствия, но внутри меня всё рушилось. Всё, во что я верила всего несколько минут назад, казалось мне теперь наивным

и глупым.

— Вы хотите сказать, — начала я, и голос мой дрогнул, — что всё это время Алекс был на задании? Что он не просто ученик, который оказался рядом?

Дэвид посмотрел на меня с пониманием, и в его глазах я увидела сочувствие.

— Да, Эрика. Он был там, чтобы остановить поджог. Но случилось то, что случилось.

Я посмотрела на Алекса, и в этот момент я поняла, что мой мир разделился на две части: ту, что была до этого разговора, и ту, что начиналась сейчас. И я не знала, готова ли я переступить эту грань.

— Ирис у нас предсказательница, — Дэвид продолжал говорить с той же ледяной невозмутимостью, как будто зачитывал лекцию в университетской аудитории, а не рассказывал мне о магических способностях за завтраком. — Её правый глаз умеет заглядывать в будущее.

Я невольно взглянула на Ирис. И правда, глаза у неё были разные: один — обычный, голубой, прозрачный, как весеннее небо, а второй... сиреневый, словно вставленная линза. Но это был не пластик, в этом глазу чувствовалась глубина, он казался живым, как будто фиалка расцвела в её зрачке, переливаясь лиловыми оттенками.

— Ага, — пробормотала я, стараясь понять, к чему он клонит. Чем больше он говорил, тем больше мне становилось неуютно.

— Ирис видела, где именно будет следующий поджог, — продолжил Дэвид, и его голос оставался таким же ровным, будто он обсуждал прогноз погоды, — поэтому Алекс отправился туда раньше времени, под видом ученика, чтобы поймать поджигателя.

Я посмотрела на Алекса, ожидая, что он подтвердит или добавит что-то, но он сидел молча, с каменным лицом, и только его челюсти были напряжены, выдавая скрытое раздражение.

— И больше никуда я как ученик не поеду, — прозвучал его тихий, но острый, как лезвие, ответ. В его спокойном тоне явно чувствовалось раздражение, и я почти видела, как он сдерживает себя, чтобы не сказать что-то резче.

Я смотрела на него, потом на Ирис, потом снова на Дэвида, и чувствовала, как реальность начинает ускользать из-под ног, как песок сквозь пальцы. Предсказательница. Правый глаз, который видит будущее. Сиреневый зрачок, который смотрел на меня сейчас с явной неприязнью. Всё это было слишком странно, слишком невероятно, но я сидела здесь, в этом доме, и никто не смеялся. Никто не говорил, что это шутка. Они говорили это всерьёз.

— Вы хотите сказать, — произнесла я медленно, стараясь, чтобы голос не дрожал, — что Алекс был там не случайно? Что он знал о пожаре заранее?

Дэвид кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Именно так, Эрика. Он знал. Но предсказание не дало ему точного времени. Только место. Поэтому он не успел предотвратить поджог, а только спас тебя.

Я сглотнула, чувствуя, как внутри всё переворачивается. А я думала, что он просто оказался рядом. Что это была случайность. Оказывается, ничего случайного не было.

— Бог сна Морфей, ныне известный как Кайл, решил устроить теракт и, видимо, не один, чтобы выманить у нас очень ценный и опасный артефакт. Естественно, мы не хотим его отдавать, — голос Дэвида стал жёстче, и я заметила, как его пальцы на мгновение сжались в кулак. — Он усыпил всех обитателей интерната своей магией и устроил поджог, поэтому никто не смог спастись. Кроме тебя.

Он сделал паузу и посмотрел на меня так пристально, что я почувствовала, как под его взглядом становлюсь прозрачной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.